A 320/710

1888

1544.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1806–1812 гг.

А 320/710

СОСТАВИЛЪ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ А. Н. ПЕТРОВЪ.

РЕЦЕНЗІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА Г. А. ЛЕЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская № 13.
1888.

Многоуважаемому Алекс. Николаевичу Куропаткину от Г. Леера

1 Ноября 88 г.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

А 320/710

1806–1812 гг.

Составилъ по Высочайшему повелѣнію
Генеральнаго Штаба генераъ-маіоръ А. Н. Петровъ.

РЕЦЕНЗІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА Г. А. ЛЕЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская № 13.
1888.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1806—1812 г.г.,

составилъ по Высочайшему повелѣнію Генеральнаго штаба
генералъ-маіоръ А. Н. Петровъ.

Рецензія генералъ-лейтенанта **Г. А. Леера**.

Столь богатая повидимому литература, касающаяся прямо или косвенно событій войны Россіи съ Турціею 1806—12 г.г. (въ концѣ разсматриваемаго сочиненія авторомъ приложенъ списокъ 64 печатныхъ сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи его труда), въ сущности представляетъ весьма скромный матеріалъ для описанія войны, какъ это видно изъ краткой оцѣнки каждаго изъ приводимыхъ А. Н. Петровымъ сочиненій.

Не считая сочиненія М. И. Богдановича: «*Исторія царствованія Императора Александра I-го*», въ которой авторомъ описываются подробно только войны, веденныя при личномъ въ нихъ участіи Императора, а остальныя, въ томъ числѣ и Русско-Турецкая 1806—12 г.г., только вскользь, «для сохраненія взаимной связи событій, одновременно происходившихъ на различныхъ пунктахъ», какъ то высказываетъ самъ авторъ,—не считая этого сочиненія, самымъ капитальнымъ, вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ по описанію этой войны признавалось до сихъ поръ сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго: «*Описаніе Русско-Турецкой войны 1806—12 г.г.*», появившееся 44 года

тому назадъ. Главное достоинство этого сочиненія — планъ его, цѣльность, упорядоченность въ изложеніи взаимно переплетающихся между собою событій, одновременно разыгрывавшихся на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, на главномъ — на Балканскомъ полуостровѣ, и на второстепенныхъ — на Черномъ морѣ, въ Закавказьѣ и въ Сербіи. Разсказъ такъ расположенъ, что какой бы частный фактъ ни описывался авторомъ, читатель ни на минуту не упускаетъ ни связи его съ другими частными фактами, ни отношенія ихъ къ общей идеѣ операціи. Это объясняется, конечно, прежде всего талантомъ автора, способностью его къ сводкѣ частныхъ явленій въ одну цѣльную картину, соотвѣтственно той или другой основной идеѣ операціи, короче — синтетическимъ складомъ его ума. Если сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго вполнѣ удовлетворяетъ одному изъ главныхъ требованій, которыя ставятся къ произведенію какого бы то ни было рода искусства, *цѣльности*, то оно часто не удовлетворяетъ другому, настолько же важному условію, окончательно опредѣляющему, вмѣстѣ съ первымъ, высокое значеніе этого произведенія въ области искусства, именно—*правдѣ*. Общество уже успѣло, въ этомъ отношеніи, произнести свой справедливый приговоръ писателю, хотя и талантливому, но мало расположенному къ копотливой и въ то же время крайне важной работѣ *анализа*, къ тщательной обработкѣ деталей, углубленію въ подробности. Относясь легко къ этой сторонѣ дѣла, Михайловскій-Данилевскій нерѣдко склоненъ даже ставить воображеніе на мѣсто фактовъ. Такимъ образомъ описаніе сраженій у него большею частью поверхностно, безъ приведенія всѣхъ подробностей, важныхъ по отношенію къ ходу боя. На оправдательные документы онъ крайне скупъ. Хотя ему были открыты всѣ государственные архивы, но матеріалами, въ нихъ хранящимися, онъ пользовался далеко не широкою рукой, выбирая изъ нихъ только нѣкоторые и оставляя массу безъ всякаго изслѣдованія. Этотъ недостатокъ *документальности* въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго ставитъ читателя въ невозможность повѣрки того или дру-

гого вывода автора и вынуждаетъ вѣрить ему на слово. Къ дальнѣйшимъ недостаткамъ этого сочиненія слѣдуетъ отнести еще и то, что авторъ исключительно останавливается на *внѣшней сторонѣ* описываемыхъ имъ военныхъ событій, не *касаясь внутренняго ихъ смысла*, не *относясь къ нимъ критически*, упуская изъ вида, что для поученія массы не столько важно знать какіе результаты были достигнуты *въ той или другой* операціи, въ томъ или другомъ сраженіи, сколько выяснить тѣ причины, тѣ пути, которые привели къ этимъ результатамъ, — вѣрнѣйшее средство къ избѣжанію столь часто повторяющихся ошибокъ на войнѣ. Историкъ долженъ быть въ одно и то же время и *живописецъ*: на его обязанности представить цѣльную и вѣрную картину описываемаго событія, и *философъ*: сдѣлать вѣрную оцѣнку его внутренняго содержанія. Михайловскій-Данилевскій, въ «Описаніи Русско-Турецкой войны 1806 — 12 г г.», является *только живописцемъ* [1]). Далѣе, въ томъ же сочиненіи, авторъ *недостаточно многосторонен* въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, почти исключительно касаясь только чисто *военной* ихъ стороны, стратегической и тактической, и очень слегка затрогивая столь важную *политическую* сторону и еще болѣе слегка — *военно-административную*, вопросъ о безостановочномъ снабженіи арміи на театрѣ войны всякаго рода запасами, столь сильно вліяющій на тактическую сторону военныхъ операцій. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ недостаткѣ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, не столько для того, чтобы поставить его въ упрекъ автору, а лишь для полноты оцѣнки его труда и чтобъ еще разъ убѣдиться въ томъ, что для вполнѣ *объективной* исторіи необходимо отойти отъ описываемыхъ событій по крайней мѣрѣ на разстояніе цѣлаго поколѣнія. Этотъ недостатокъ сводится къ *угодливости сильнымъ міра, современникамъ, участникамъ въ описываемыхъ событіяхъ.*

---

[1]) Причина отсутствія критическаго элемента въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго, прежде всего, заключается въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился по отношенію къ живымъ еще участникамъ этой войны.

Какъ бы ни были замѣчательны личные подвиги эскадроннаго командира Бенкендорфа [1]), или капитана (потомъ полковника) Паскевича, какое вліяніе они могутъ обнаружить на веденіе цѣлыхъ армій? Этимъ подвигамъ и личнымъ отличіямъ мѣсто въ *военной хроникѣ* и въ *исторіи полковъ*, а *не въ исторіи цѣлыхъ войнъ*.

Приведенная оцѣнка самаго капитальнаго изъ вышедшихъ до сихъ поръ сочиненій о Русско-Турецкой войнѣ 1806—12 г.г. необходима была для установки *исходной точки* къ оцѣнкѣ новѣйшаго объ этой войнѣ сочиненія А. Н. Петрова.

Уступая Михайловскому-Данилевскому въ одномъ, но зато и не въ маловажномъ дѣлѣ, въ *цѣльности* описанія военныхъ событій, А. Н. Петровъ съумѣлъ устранить всѣ только-что приведенные недостатки сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ (отсутствіе критики и угодливость вліятельнымъ лицамъ) устранились сами собою, болѣе благопріятными условіями, въ какія былъ поставленъ А. Н. Петровъ, писавшій почти 80 лѣтъ послѣ войны 1806—12 г.г.

Къ достоинствамъ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ отнести: *многосторонность* въ описаніи и изслѣдованіи событій войны 1806—12 г.г. Принадлежа къ послѣдователямъ новой военно-исторической школы, признающей, что «арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты», т. е. несли причину своего пораженія въ себѣ, или въ недостаточной ихъ подготовкѣ, недостаточномъ ихъ устройствѣ, недостаточной подготовкѣ всей войны какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, А. Н. Петровъ не останавливается только на одной военной сторонѣ, но отводитъ широкое (можно сказать, даже слишкомъ широкое) мѣсто *политической* сторонѣ дѣла, а въ *военной* не ограничивается, подобно писателямъ старой школы, одною *лицевою* стороной дѣла, описаніемъ маршей и битвъ,

---

[1]) «Описаніе Русско-Турецкой войны» Михайловскаго-Данилевскаго (II, 172, 176).

но и посвящаетъ должное вниманіе не бросающейся въ глаза, но зато крайне важной *изнанкѣ дѣла*, вопросу объ устройствѣ снабженія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, объ устройствѣ продовольственной части, санитарной и прочихъ *военно-административныхъ учрежденій*.

I

Важность преслѣдуемой Россіею *цѣли* въ войнахъ на Балканскомъ полуостровѣ: обезпеченія свободы православной церкви и улучшенія политической жизни христіанъ на этомъ полуостровѣ, въ связи съ усложненіями въ отношеніяхъ европейскихъ государствъ подъ гнетомъ Наполеоновскаго режима, рѣзкія перемѣны въ политической обстановкѣ, при которой велась война 1806—12 г.г., все это придаетъ особый интересъ и важность *политическому* элементу въ отношеніи его вліянія собственно на операціи этой войны.

Она *началась* въ періодъ полнаго нашего разрыва съ Франціею и вызвана собственно давленіемъ этой державы на Турцію; *продолжалась* въ періодъ нашего союза съ Франціею, послѣ Тильзитскаго договора, и *окончилась* въ періодъ новаго, полнаго нашего разрыва съ Франціею.

Такіе перевороты въ политической обстановкѣ сильно вліяли: 1) на *цѣль* войны: до *Тильзита* — только вынудить Порту къ точному исполненію прежнихъ трактатовъ, расширившуюся *послѣ Тильзита* до постановки границею между нами и Портою Дуная, т. е. до пріобрѣтенія русскими княжествъ Молдавіи и Валахіи, и 2) на *характеръ* ея: сперва, въ походѣ Михельсона въ концѣ 1806 г. (причемъ война началась съ нашей стороны безъ формальнаго ея объявленія), она, по мѣткому выраженію герцога Ришельё, имѣла характеръ «*миролюбивѣйшаго*», безкровнаго занятія крѣпостей; далѣе, въ походѣ Михельсона 1807 г., она приняла характеръ *оборонительный*; затѣмъ обратилась *въ продолжительное перемиріе*, чтобы въ 1809 и 10 г.г., въ походахъ

князя Прозоровскаго, Багратіона и гр. Каменскаго, принять характеръ войны *наступательной* на правомъ берегу Дуная, и наконецъ въ 1811 г., въ славномъ походѣ Кутузова, политическія условія снова вынудили насъ обратиться къ оборонѣ, но къ *оборонѣ*, которая дала столь *положительные* результаты, какихъ не могли дать предшествовавшіе походы, веденные съ вдвое бо́льшими силами, — къ захвату всей арміи визиря и къ почетному миру (Бухарестскому), въ минуту, когда мы въ немъ наиболѣе нуждались.

Пользуясь обиліемъ печатныхъ и въ особенности подлинныхъ рукописныхъ матеріаловъ, А. Н. Петровъ представилъ, въ изслѣдованіи *обширномъ* и *документальномъ*, полную картину политическихъ отношеній государствъ между собою и особенно къ Россіи въ эпоху, предшествовавшую войнѣ 1806 — 12 г.г. (ч. I, I), и за все время этой послѣдней (кампанія 1807 г. VI, ч. II, I, III, IV, V, VII, часть III, I; кампанія 1811 г. IV, V, VI; 1812 г. II), подтверждая свои выводы не только соотвѣтственными ссылками на источники, но и включеніемъ въ текстъ наиболѣе важныхъ документовъ и заставляя, такимъ образомъ, высказываться самихъ дѣятелей въ этой войнѣ о всемъ, что касалось мотивовъ принятыхъ ими рѣшеній и оцѣнки тѣхъ или другихъ трудныхъ положеній, которыя имъ приходилось переживать; короче авторъ, какъ бы опасаясь *говорить отъ себя* (что́ главнымъ образомъ дѣлается Михайловскимъ-Данилевскимъ), стремится къ тому, чтобы быть возможно *объективнымъ*.

Подобный способъ изложенія весьма естественнымъ путемъ приводитъ автора ко включенію въ политическій отдѣлъ его сочиненія *массы новаго матеріала*, впервые появляющагося въ печати у насъ и представляющаго полную картину всей дипломатической переписки и переговоровъ по замиренію съ Турціею и по сношеніямъ съ иностранными дворами. Сюда относятся: переговоры о Слободзейскомъ перемиріи 1807 г. (ч. I, стр. 267 — 277); Парижскіе переговоры въ 1808 г. (ч. II, 27 — 31); описаніе революціи въ Константинополѣ въ 1807 г. (ч. I, 171 —

174) и въ 1808 г. (ч. II, 75 — 85); выясненіе авторомъ истиннаго значенія Эрфуртскаго свиданія (ч. II, 96 — 104).

Сверхъ того, весьма обстоятельно изложены: сношенія нашихъ главнокомандующихъ съ визиремъ и другими турецкими и персидскими государственными дѣятелями и вообще особенный характеръ дипломатическихъ сношеній съ турками[1]); ходъ Ясскихъ переговоровъ въ 1809 г. (II, 1808 г., VII), а также Журжинскихъ (ч. III, кампанія 1811 г., VI) и Бухарестскихъ конференцій (ч. III, кампанія 1811 г., IV и VI), прибавившихъ къ славѣ замѣчательнаго полководца Кутузова и репутацію высокоталантливаго дипломата.

Нельзя при этомъ не упомянуть о томъ особомъ вниманіи, съ какимъ авторъ относится къ описанію политическихъ и военныхъ событій въ *Сербіи*, которыя, по отношенію ко всей войнѣ 1806—12 г.г., входя въ нее какъ часть, какъ эпизодъ, разыгрывавшійся на одномъ изъ второстепенныхъ театровъ, должны бы быть изложены въ полнотѣ, соотвѣтствующей лишь тому

---

[1]) Особый характеръ дипломатическихъ сношеній съ турками, излишнее довѣріе съ нашей стороны, хитрѣйшіе пріемы и необыкновенная изворотливость въ затягиваніи переговоровъ турецкими дипломатами, и наконецъ какъ слѣдуетъ вести переговоры съ турками, все это весьма мѣтко изображено авторомъ въ послѣдней главѣ ч. III (стр. 421—423).

«Какъ слѣдуетъ переговаривать съ турками, говоритъ онъ, правильнѣе всѣхъ понималъ гр. Румянцевъ-Задунайскій. Онъ понялъ, что Турція уступаетъ только давленію силы и вынуждается на уступки одними обстоятельствами, которыхъ она, въ данную минуту, отвратить не можетъ. Поэтому онъ, истощивъ всѣ усилія въ безплодныхъ переговорахъ, рѣшился не перомъ, а штыкомъ писать договоры. Турецкимъ дипломатамъ, пріѣхавшимъ въ его главную квартиру для переговоровъ, онъ предложилъ слѣдовать за арміею, которую онъ велъ противъ послѣдняго убѣжища визиря въ Шумлѣ, и переговоры велись на привалахъ, во время остановки арміи для отдыха. Только этимъ путемъ онъ и могъ заставить турокъ дѣлать уступки и подписать миръ, заключенный, по словамъ Румянцева, военною ухваткою».

«Такъ думалъ и кн. Багратіонъ, говоря, что штыкъ есть лучшій дипломатъ въ переговорахъ съ турками и что о мирѣ съ ними нужно трактовать въ палаткѣ русскаго главнокомандующаго, а самый миръ долженъ быть подписанъ на барабанѣ или на спинѣ визиря».

Опытъ нашихъ войнъ съ азіятскими народами вполнѣ оправдываетъ вѣрность такого взгляда, за которымъ и слѣдуетъ признать значеніе руководящаго начала въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ ними.

вліянію, какое имп было обнаружено на ходъ событій на главномъ театрѣ, Дунайскомъ, то отвлекая въ эту сторону наши силы, то притягивая къ себѣ силы турокъ. А. П. Петровъ, увлекаясь стремленіемъ опровергнуть иностранныхъ писателей, доказывающихъ, что *въ войнахъ съ Турціею Россія преслѣдовала исключительно свои личные интересы и только пользовалась враждебнымъ Порть настроеніемъ ея христіанскихъ подданныхъ* (все *предисловіе* къ сочиненію исключительно и посвящено этому вопросу), дастъ уже излишне широкое развитіе описанію политическихъ и военныхъ событій въ Сербіи въ войну 1806—12 г.г., въ такой мѣрѣ, что если бы все это выдѣлить въ особую книгу, то вышло бы вполнѣ цѣльное и правдивое сочиненіе о положеніи Сербіи въ эту войну, сочиненіе, какого еще пока не появлялось въ печати и которое основательно доказываетъ, что: 1) Сербія обязана Россіи своею независимостью; 2) Россія выработала для нея первыя основанія ея конституціи; 3) Россія поддерживала сербовъ въ борьбѣ за ихъ независимость деньгами, оружіемъ и войсками, и 4) Австрія постоянно интриговала противъ сербовъ, стараясь отвлечь ихъ отъ Россіи и привлечь на свою сторону [1]).

Цѣль, поставленная себѣ авторомъ при изслѣдованіи событій въ Сербіи, если и не вполнѣ оправдываетъ излишнее распространеніе этого отдѣла до предѣловъ чуть-ли не самостоятельнаго сочиненія, нарушающаго соразмѣрность между частями цѣлаго, то во многомъ извиняетъ это увлеченіе.

Во всемъ остальномъ слѣдуетъ признать *политическій* отдѣлъ за одну изъ самыхъ сильныхъ частей разбираемаго сочиненія.

---

[1]) Политическія статьи автора о Сербіи въ войнѣ 1806—12 г.г., напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» (1866 г.), несмотря на не совсѣмъ лестные отзывы о сербскихъ дѣятеляхъ и даже объ ихъ народномъ вождѣ, Черномъ Георгіи, были переведены на сербскій языкъ и помѣщены въ журналѣ «Ратникъ».

II

Настолько же обстоятельно и подробно, и притомъ *въ первый разъ*, разработана и *военно-административная* сторона войны 1806—12 г.г., *устройство продовольственной части, разнаго рода складовъ, перевозочныхъ средствъ, госпиталей*, эта *изнанка дѣла*, обходимая прежними военно-историческими писателями, которой, какъ выше приведено, Михайловскій-Данилевскій касается лишь крайне рѣдко и притомъ весьма поверхностно, между тѣмъ какъ, по вліянію своему на стратегическія операціи, она чрезвычайно важна вообще и въ частности по отношенію къ операціямъ именно на Балканскомъ полуостровѣ, вслѣдствіе его особенностей.

Военно-административная подготовка операціи важна *вообще*, такъ какъ ею обусловливаются: бо̀льшая или мѐньшая быстрота въ ихъ веденіи; бо̀льшая или мѐньшая тяжеловѣсность арміи; бо̀льшая или мѐньшая уязвимость тыла арміи, чувствительность ихъ сообщеній; бо̀льшая или мѐньшая свобода и безопасность въ маневрированіи; наконецъ и самая возможность или невозможность тѣхъ либо другихъ операцій. «Какимъ бы образомъ, говоритъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ стратегическихъ писателей, генералъ Клаузевицъ, ни было устроено снабженіе войскъ: запасами изъ магазиновъ или путемъ реквизицій, этимъ обстоятельствомъ создаются такого рода затрудненія, что ему должно принадлежать *первенствующее значеніе*[1]) при обсужденіи вопроса объ операціяхъ. Нерѣдко оно препятствуетъ приведенію въ исполненіе наиболѣе дѣйствительныхъ комбинацій и вынуждаетъ армію искать средствъ къ пропитанію, вмѣсто того, чтобъ искать побѣду, и заботиться о неизбѣжно-необходимомъ, вмѣсто того, чтобы думать о блескѣ успѣха. Именно этотъ вопросъ о запасахъ и придаетъ всю матеріальную тяжеловѣсность машинѣ

[1]) И эта важная сторона дѣла такъ безцеремонно обходилась до сихъ поръ въ описаніяхъ военныхъ событій!

и такъ сильно задерживаетъ ея дѣйствія, не позволяя имъ подняться на высоту грандіозныхъ предначертаній»[1]). Что, напр., было причиною болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго перерыва (съ конца февраля до конца мая) въ главныхъ операціяхъ въ Русско-Прусско-Французскую войну 1807 г.? Отчасти—обстоятельства политическія, но главнымъ образомъ — скудость продовольственныхъ запасовъ, которую въ сильной степени ощущали не только русскіе, но и французы.

«Въ настоящую минуту, писалъ Наполеонъ Талейрану (изъ Остероде, 10 марта), *судьба Европы и всѣхъ высшихъ расчетовъ зависитъ отъ продовольственныхъ запасовъ. Разбить русскихъ, если бы только я имѣлъ достаточно хлѣба*, было бы дѣломъ легкимъ» [2]).

Это признаніе Наполеона служитъ лучшимъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго взгляда Клаузевица.

Если таково значеніе устройства продовольственной части въ арміи *вообще*, то въ турецкихъ войнахъ, *въ частности*, вслѣдствіе разнаго рода особенныхъ условій, оно получаетъ еще бо́льшую важность, какъ это видно изъ слѣдующей выдержки приводимаго А. Н. Петровымъ (ч. I, стр. 76) донесенія Михельсона Государю отъ 25 іюня 1806 г. Въ немъ Михельсонъ говоритъ, что «въ Молдавіи и Валахіи войска русскія могутъ разсчитывать только на тѣ продовольственныя средства, какія *привезутъ* съ собою. Страна хлѣбомъ бѣдна, а все богатство жителей состоитъ въ садахъ, кукурузѣ, пшеницѣ, просѣ и ячменѣ, которые намъ не совсѣмъ пригодны. Сверхъ того жители разбѣгаются отъ страха, ибо у турокъ тѣмъ начинается война, что разоряютъ и опустошаютъ край, который удержать не надѣются». Отсюда Михельсонъ выводитъ необходимость имѣть при арміи въ значительномъ числѣ *подвижные запасы*. Затѣмъ А. Н. Петровымъ описываются всѣ хозяйственныя распоряженія по

---

[1]) «О войнѣ», VI, 345; французскій переводъ.

[2]) *Thiers*—«Histoire du consulat et de l'empire», VII, 458.

молдавской арміи передъ началомъ войны (ч. I, 74—78 и приложенія №№ 10 и 11), съ полной обстоятельностью.

Въ какой мѣрѣ легко къ этому же вопросу относится Михайловскій-Данилевскій въ «Описаніи Русско-Турецкой войны 1806—12 г.г.» видно изъ слѣдующаго. На стр. 18 (ч. I) онъ говоритъ: «Въ ноябрѣ 1806 г., *окончивъ приготовленія* къ походу, Михельсонъ отдалъ слѣдующія приказанія...». *Окончивъ приготовленія* къ походу и только, а въ чемъ они заключались—не упоминается ни слова. Такъ легко Михайловскій-Данилевскій отдѣлывается отъ разсмотрѣнія одного изъ весьма существенныхъ вопросовъ; но что еще болѣе странно, такъ это то, что, не помѣстивъ описанія этихъ предварительныхъ, *подготовительныхъ* къ открытію похода распоряженій по хозяйственной части, онъ, хотя и въ весьма бѣгломъ очеркѣ, далѣе приводитъ распоряженія, которыя по той же части были сдѣланы въ зиму 180^{6}_{7} г. г., уже послѣ занятія нами княжествъ (ч. I, 29—31). Странно говорить о перенесеніи магазиновъ, не упомянувъ гдѣ они прежде были расположены, начинать, такимъ образомъ, описаніе извѣстнаго дѣла со средины его развитія, обойдя начало. Подобно тому, какъ военныя операціи извѣстной кампаніи возникаютъ одна изъ другой, имѣютъ свою преемственность, свое историческое развитіе, точно такъ же и хозяйственныя распоряженія, подготовляющія и сопровождающія эти операціи. Сверхъ того, Михайловскій-Данилевскій до того поверхностно относится къ этому вопросу, что о столь важномъ для войны въ Турціи *подвижномъ магазинѣ* онъ только упоминаетъ.

Вообще къ устройству *военно-административной* части, какъ уже приведено, Михайловскій-Данилевскій относится крайне легко и какъ бы мимоходомъ, въ то время какъ въ сочиненіи А. И. Петрова встрѣчается къ нему вполнѣ серьезное отношеніе. Описанію каждаго похода предпослано обстоятельное изложеніе всѣхъ распоряженій по хозяйственной части [1]). Въ этомъ

[1]) 1807 г. ч. I. 134—139; 1808 г. ч. II, 32—57 и прилож. № 1. VIII, 195—200; 1809 и 1810 г.г. ч. II, XV, 437—450 и ч. III, II, 18—20.

отношеніи только походъ Кутузова въ 1811 г. составляетъ исключеніе и вѣроятно потому, что автору не удалось найти въ архивѣ необходимаго для того матеріала (во всякомъ случаѣ, это слѣдовало бы оговорить).

III

Переходя къ самому существенному отдѣлу, *военному* (*стратегическому* и *тактическому*), слѣдуетъ отдать полную справедливость, во всемъ касающемся описанія военныхъ операцій въ *частности*, стремленію автора къ оправданію фактическаго изложенія массою приводимыхъ подлинныхъ документовъ, — его *документальности*, а равно и къ обоснованію описываемыхъ фактовъ путемъ критическаго разбора ихъ, отнесенія къ вызывавшимъ ихъ причинамъ. Въ послѣднемъ отношеніи обращаютъ на себя особое вниманіе: 1) описаніе всей *операціи Милорадовича подъ Бухарестомъ*, включая *сраженіе при Обилешти*, въ концѣ мая и началѣ іюня 1807 г. (ч. I, стр. 174—195); 2) *наступательная операція князя Багратіона* въ 1809 г. противъ турецкаго вспомогательнаго корпуса, двигавшагося для освобожденія Силистріи отъ осады, приведшая къ сраженію при Татарицѣ (9 и 10 октября; ч. II, 377—389); 3) *дѣйствія графа Каменскаго 2-го въ 1810 г.* подъ *Рущукомъ* (ч. III и VI); 4) вся *кампанія Кутузова въ 1811 г.*, бои подъ Рущукомъ и плѣненіе *арміи визиря* (ч. III, II и III).

Въ то же время нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ *недостатковъ* въ сочиненіи А. Н. Петрова, между которыми наиболѣе важный — недостатокъ *цѣльности* въ описаніи операцій, часто довольно запутанныхъ и разыгрывавшихся на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ извѣстной внутренней связи между собою. При такихъ условіяхъ, цѣльность въ описаніи и получаетъ особенно важное значеніе. Безъ нея нельзя выяснить ни относительнаго значенія частныхъ фактовъ, ни связи

между ними, ни отношенія ихъ къ цѣлому, ко всей операціи, а все это настолько существенно необходимо, что *безъ этого нѣтъ собственно стратегіи*, задача которой и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы «*смотрѣть*» на дѣло, какъ бы оно ни было сложно, «*въ цѣломъ*». Такимъ образомъ, чтобы не поступиться столь важною стратегическою стороной дѣла, разъ-какъ работа сведенія частностей въ стройное, гармоническое цѣлое или обойдена *писателемъ*, или не доведена до конца, то она всецѣло ложится *на читателя*, который, напротивъ, требуетъ и въ правѣ требовать отъ автора «*готоваго*». Сочиненіе, не удовлетворяющее этому требованію, прежде всего вредитъ самому себѣ, такъ какъ оно не можетъ уже разсчитывать на обширный кругъ читателей.

Причина недостаточной цѣльности въ описаніи военныхъ событій заключается въ томъ, что авторъ въ изложеніи ихъ слишкомъ строго придерживается *хронологическаго порядка*, отодвигая на второй планъ *логическій порядокъ*. Обратнаго направленія держится Михайловскій-Данилевскій, сочиненіе котораго, какъ выше приведено, не только вовсѣ подобнаго упрека, но цѣльность въ изложеніи описываемыхъ событій составляетъ именно самую сильную сторону его, пожалуй, даже единственное его достоинство. Новѣйшее сочиненіе А. П. Петрова, при всѣхъ остальныхъ своихъ достоинствахъ, устраняющихъ массу недостатковъ (указанныхъ выше) сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, не мало выиграло бы, если бы первый изъ этихъ авторовъ заимствовалъ у второго то, что составляетъ главную силу въ трудѣ его предмѣстника, именно *весь планъ сочиненія*, представляющій замѣчательное *генеральное размежеваніе* всѣхъ явленій Русско-Турецкой войны 1806—12 г.г.

Въ хронологическомъ порядкѣ развитіе операціи начинается съ организаціи арміи, устройства базы, сосредоточенія къ ней запасовъ и войскъ и маршей-маневровъ, *подготовляющихъ* ея рѣшеніе, и заканчивается въ боѣ, съ его послѣдствіями, *рѣшающемъ* судьбу операціи.

Но все это должно развиваться въ томъ или другомъ *направленіи* на пути къ намѣченной той или другой *цѣли*, т. е. согласно той или другой *основной идеѣ*, царящей надъ всѣмъ дѣломъ. Изъ нея развивается вся сложная стратегическая операція со всѣми ея частными задачами, которыя опять-таки посредствомъ нея связываются въ одно стройное логическое цѣлое.

Съ приведенія и разбора этой основной идеи (плана, замысла) операціи и должно начинаться описаніе ея и затѣмъ такъ вестись въ частностяхъ, чтобъ она ни на минуту не забывалась читателемъ и не заслонялась неловкою группировкой подробностей. Все должно быть къ ней отнесено, и въ каждой частности она должна проявлять себя.

Такова *логическая послѣдовательность* въ описаніи событій, для удовлетворенія требованіямъ которой нерѣдко приходится отступать отъ хронологическаго порядка, особенно въ описаніяхъ дѣйствій, имѣющихъ второстепенное значеніе. Подобнымъ образомъ строго *упорядоченное* изложеніе Военной Исторіи необыкновенно облегчаетъ изученіе ея.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго, я приведу, правда, наименѣе удавшійся въ этомъ отношеніи отдѣлъ изъ сочиненія А. Н. Петрова, начало похода 1807 г. (Михельсона), и сравню его, съ точки *плана изложенія*, съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго.

Описаніе похода 1807 г., приведя составъ и расположеніе русской арміи, Михайловскій-Данилевскій (ч. I, стр. 38) начинаетъ съ *общаго плана нашихъ дѣйствій для всего театра войны*, по которому Михельсонъ, на *главномъ театрѣ*, на Дунаѣ, долженъ былъ дѣйствовать оборонительно, въ виду его слабыхъ силъ, а наступательныя дѣйствія предполагались на *боковыхъ театрахъ*, на Черномъ морѣ и въ Грузіи.

Послѣ *общаго плана* для всего театра войны, Михайловскій-Данилевскій переходитъ къ изложенію вытекавшаго изъ него *частнаго плана* Михельсона, собственно для главнаго театра, т. е. *главнымъ предметомъ дѣйствій ставитъ овладѣ-*

ніе Измаиломъ съ обороною на остальныхъ пунктахъ (Дѣпровскія крѣпости, Бухарестъ, со стороны Браилова и Силистріи).

По ознакомленіи читателя съ основною идеей операціи на Дунаѣ, Михайловскій-Данилевскій описываетъ событія по отношенію ихъ къ главной операціи противъ Измаила, изложеніе которой и составляетъ магистральную линію всего разсказа.

Начавъ съ неудачнаго для насъ дѣла при Кубіи (по Петрову—Куйбей, 13 февраля), *вызваннаго наступленіемъ изъ Измаила Ногливана-паши*, Михайловскій-Данилевскій обращается къ приближенію корпуса Мейндорфа къ Измаилу и обложенію имъ послѣдняго. Далѣе описываются: наступленіе Михельсона къ Журжѣ и сраженіе при Турбатѣ (5 и 6 марта), какъ отмѣстка за пораженіе при Кубіи и главнымъ образомъ *для отвлеченія турецкихъ силъ отъ главнаго предмета дѣйствій, отъ крѣпости Измаила*. Затѣмъ слѣдуютъ: *дѣйствія подъ Измаиломъ* до прибытія главнокомандующаго [1]); планъ наступленія турокъ къ Бухаресту; перерывъ въ исполненіи его, вслѣдствіе революціи въ Константинополѣ; исполненіе этого плана, приведшее къ сраженію при Обплешти, и потомъ—*окончаніе* дѣйствій подъ Измаиломъ и сербскія дѣла [2]).

Такъ естественно, съ полнымъ удовлетвореніемъ логикѣ и хронологіи, распланировано Михайловскимъ-Данилевскимъ описаніе событій на главномъ театрѣ въ 1807 г. Внутренняя связь между ними ни на минуту не упускается изъ вида; общимъ центромъ всего, какъ то и должно быть, является главный предметъ дѣйствій, крѣп. Измаилъ. Если Михайловскій-Данилевскій, доведя разсказъ о дѣйствіяхъ подъ Измаиломъ до конца мая, и уклонился къ Бухаресту и къ константинопольской революціи, то единственно потому, что хотя крѣп. Измаилъ и была все время главнымъ предметомъ дѣйствій, но подъ этой крѣпостью, вслѣдствіе энергическихъ вылазокъ Ногливана, а главное по недостатку войскъ и неимѣнію осадной

[1]) Все это составляетъ содержаніе главы IV.

[2]) Содержаніе главы V.

артиллеріи (?), все дѣло съ нашей стороны ограничивалось только *сидѣніемъ* съ отраженіемъ вылазокъ.

Такого строго-упорядоченнаго описанія похода 1807 г. не встрѣчается у А. Н. Петрова.

Прежде всего у него *отсутствуетъ общій планъ*, обнимающій всѣ театры. Правда, и у Данилевскаго онъ приведенъ, по обыкновенію, безъ ссылокъ на документы. При склонности этого писателя, какъ выше указано, нерѣдко ставить свое воображеніе на мѣсто фактовъ, можетъ быть, и планъ, имъ сообщаемый, измышленъ. Если бы даже этого плана и не было, то, вѣроятно, существовалъ другой, но его А. Н. Петровъ не привелъ. Слѣдовательно, не было никакого плана, а царила *безпланность*. Такъ это слѣдовало бы констатировать, чего не сдѣлано, такъ что читатель, по этому существенно-важному вопросу, *исходной точки для всего похода*, принужденъ теряться только въ догадкахъ. Съ одной стороны, судя по общей оцѣнкѣ дѣйствій Михельсона, въ нихъ господствовала *безпланность* (въ послѣдней главѣ ч. III, *Общемъ обзорѣ турецкихъ войнъ съ 1769 по 1812 г. г.*, на стр. 426, дѣлая рѣзкій приговоръ о дѣйствіяхъ Потемкина: «стратегическихъ цѣлей у него не было никакихъ, а были только случайныя встрѣчи и возня съ крѣпостями»,— авторъ буквально примѣняетъ это и къ Михельсону: «тоже и у Михельсона»); съ другой же стороны казалось бы, что по крайней мѣрѣ *общій планъ* у насъ былъ, такъ какъ, приступая къ описанію дѣйствій на Кавказѣ (ч. I, стр. 288), А. Н. Петровъ говоритъ: «При составленіи *общаго плана* войны противъ Турціи, нельзя было оставить безъ вниманія наши азіятскія границы на Кавказѣ....», а между тѣмъ этотъ общій планъ нигдѣ не приведенъ.

Указавъ расположеніе арміи Михельсона въ началѣ 1807 г., А. Н. Петровъ приводитъ планъ наступленія турокъ къ Бухаресту, не упоминая пока о нашемъ планѣ на главномъ театрѣ, и, слѣдуя хронологическому порядку, подробно описываетъ ничего не значащій бой при Курманкуи (на двухъ страницахъ,

140—142), о которомъ вполнѣ достаточно было бы развѣ только упомянуть; далѣе авторъ переходитъ къ описанію боя при Кайбей и затѣмъ только, и то какъ бы мимоходомъ (на стр. 148 ч. I), наконецъ, излагаетъ планъ Михельсона: «Генералъ Михельсонъ дѣйствительно рѣшилъ овладѣть Измаиломъ, для чего назначилъ корпусъ Мейндорфа. Но чтобы не дозволить непріятелю выслать къ Измаилу подкрѣпленіе, рѣшено было сдѣлать движеніе корпусомъ гр. Каменскаго къ Браилову, а корпусомъ Милорадовича — къ Журжѣ...». Далѣе слѣдуютъ: дѣйствія подъ Журжею, сраженія при Турбатѣ и Журжѣ (5 и 6 марта), вскользь (въ трехъ строкахъ) упоминается о подходѣ корпуса Мейндорфа къ Измаилу (*главному предмету дѣйствій*) и о началѣ блокады его; дѣйствія подъ Измаиломъ отнесены въ самый конецъ описанія похода, гдѣ всѣ они, отъ начала до конца, до 12-го іюня, сведены въ особую главу (IV, 195—214), авторъ же обращается къ обзору весьма второстепенныхъ дѣйствій гр. Каменскаго подъ Браиловымъ и затѣмъ, въ гл. II, описываетъ внутреннія неурядицы въ Турціи, а въ главѣ III — дѣйствія подъ Бухарестомъ.

Такое изложеніе, въ которомъ не дается сначала общая идея операціи и описаніе второстепенныхъ дѣйствій, какъ бы они замѣчательны ни были сами по себѣ, ставится на первомъ планѣ, а описаніе дѣйствій на главномъ пунктѣ, какъ бы они ни были блѣдны, относится въ самый конецъ, отвлекающее вниманіе читателя въ сторону, нельзя признать вполнѣ цѣльнымъ и строго упорядоченнымъ.

Съ точки *цѣльности изложенія*, походъ 1807 г. представляетъ наболѣе слабую часть сочиненія. Несравненно болѣе упорядочено описаніе похода 1809 г. кн. Прозоровскаго и кн. Багратіона и особенно походъ 1810 г. гр. Каменскаго 2-го.

Такимъ образомъ, въ походѣ 1810 г. гр. Каменскаго 2-го, въ виду направленія главной операціи на Силистрію и Шумлу (ч. III, 36), А. П. Петровъ начинаетъ изложеніе событій этого похода съ движенія главныхъ силъ на Силистрію и Шумлу. Доведя ихъ до Силистріи и описавъ обложеніе этой крѣпости (непол-

нешное 23-го мая), авторъ временно пріостанавливаетъ на этомъ разсмотрѣніе дѣйствій подъ Силистріею и обращается къ описанію дѣйствій на флангахъ, Засса подъ Туртукаемъ и гр. Каменскаго 1-го подъ Базарджикомъ, что и вполнѣ оправдывается не только хронологическимъ порядкомъ (Туртукай и Базарджикъ были нами заняты ранѣе паденія Силистріи, 1-й — 25-го, 2-й — 22-го, а Силистрія 30-го мая), но и причиною чисто логическаго характера, тѣмъ моральнымъ вліяніемъ, которое обнаружило паденіе ихъ на гарнизонъ Силистріи, на успѣхъ ея осады, по отношенію къ коимъ взятіе этихъ пунктовъ является *подготовительнымъ актомъ* (понимая подготовку въ самомъ широкомъ смыслѣ). Такое расположеніе разсказа не только дастъ понятіе о трехъ отдѣльныхъ фактахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ и внутреннюю связь между ними, а это—главное.

Несмотря на несравненно бо́льшую *упорядоченность* въ изложеніи военныхъ дѣйствій въ *знаменательную кампанію Кутузова 1811 г.*, сравнительно съ описаніемъ военныхъ дѣйствій въ другія кампаніи (исключая похода 1810 г.), что́, впрочемъ, и не должно было представлять особенной трудности въ виду цѣльности замысла операціи и цѣльности въ исполненіи ея, оно выходитъ несравненно цѣльнѣе въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго, чѣмъ въ сочиненіи А. П. Петрова.

Послѣ мастерской сводки, на двухъ страницахъ (II, 152, 153), походовъ всѣхъ предшественниковъ Кутузова: Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона и гр. Каменскаго 2-го[1]),—изъ которыхъ два послѣдніе располагали не малыми арміями, не достигнувъ, въ 5 лѣтъ войны, другихъ результатовъ, какъ-только обладанія обоими берегами Дуная, отъ его устья до Никополя, не разгромивъ арміи визиря,—Михайловскій-Данилевскій настолько же мастерски набрасываетъ картину крайне труднаго по-

[1]) Сводить повременамъ въ одно цѣлое подробности того или другого періода кампаніи — это тоже весьма хорошій пріемъ для облегченія возстановленія цѣльности картины, пріемъ, къ которому нерѣдко обращается Михайловскій Данилевскій; у А. П. Петрова мы его почти не встрѣчаемъ.

ложенія Кутузова, поставленнаго въ необходимость оборонять съ арміею, уменьшенною до 46 т., Дунай на протяженіи до 1000 верстъ. Не менѣе мастерски, въ цѣльной картинѣ, онъ приводитъ и всю ту совокупность мѣръ, которыя были приняты Кутузовымъ, чтобы, насколько то возможно, разрѣшить крайне трудную, поставленную ему, задачу, пуская въ ходъ для этого на первый разъ чисто *военныя средства*, какъ-то: возможное сокращеніе стратегическаго фронта путемъ сосредоточенія главныхъ силъ къ центру, Бухаресту и Рущуку; уничтоженіе укрѣпленій Силистріи и Никополя; возвращеніе всѣхъ войскъ, кромѣ находившихся у Рущука, съ праваго берега на лѣвый, съ оставленіемъ для *ближайшаго* бокового обезпеченія, приблизительно въ трехъ переходахъ вправо и влѣво, отрядовъ Войнова у Слободзеи и Турчанинова у Турно. *Дальнѣйшее* боковое охраненіе возлагается Кутузовымъ на отряды Засса, въ Краіовѣ (200 верстъ отъ Бухареста), и Чичкова, съ флотиліею на нижнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ передъ нами полная картина расположенія, хотя и слабой числомъ, арміи почти на 1000 верстъ и притомъ расположенія сосредоточеннаго, съ возможностью собрать въ три дня у Рущука главныя силы (38 баталіоновъ, 51 эскадронъ и 4 казачьихъ полка). Приведенная картина, однако, несовсѣмъ еще полна, такъ какъ правый флангъ всё-таки недостаточно обезпеченъ; но войскъ на это не достаетъ, и Кутузовъ, избѣгая во что бы ни стало разброски своихъ слабыхъ силъ, приказываетъ Зассу дѣйствовать *подкупомъ* и *угрозами* на видинскаго муллу-пашу; короче, вслѣдствіе слабости въ силахъ, Кутузовъ пускаетъ въ ходъ все что только можно, и тѣмъ достигаетъ замѣчательнаго рѣшенія многотрудной стратегической задачи.

Все это есть и у А. П. Петрова (ч. III, стр. 249—265) и притомъ съ гораздо бо́льшими фактическими подробностями, но такъ сгруппированными, что ими затмѣвается представленіе цѣлаго.

Тоже замѣчается и въ описаніи самыхъ операцій, которыя

ведутся по двумъ операціоннымъ направленіямъ, на Рущукъ (главное) и отъ Видина къ нашему правому флангу (побочное). Тѣсная связь между этими двумя операціонными линіями, зависимость между операціями на той или другой заставляютъ, конечно, отъ описанія однѣхъ переходить къ описанію другихъ; но въ то время, какъ Михайловскій-Данилевскій, въ виду *цѣльности описанія*, нашелъ возможнымъ сдѣлать это только одинъ разъ, А. Н. Петровъ въ описаніи военныхъ дѣйствій безпрерывно переходитъ отъ одного направленія къ другому, что развлекаетъ вниманіе читателя и опять-таки вредитъ цѣльности представленія картины операцій.

Вообще этотъ недостатокъ, то въ большей, то въ меньшей степени проходитъ черезъ все сочиненіе.

Особенно важное значеніе *плановъ операцій, правильной постановки цѣли ихъ и выбора направленія*, короче—выработки *правильной основной идеи операціи*, какъ отправной точки для правильнаго рѣшенія всѣхъ частныхъ задачъ, обратило на себя полное вниманіе автора, какъ это ближе всего подтверждается приводимыми имъ то въ большей, то въ меньшей подробности планами всѣхъ кампаній (за исключеніемъ указаннаго выше общаго плана похода 1807 г.). Мало того, имъ приводится (ч. II, стр. 422—437 и прил. № 9) полностью, хотя и оставшійся безъ примѣненія вслѣдствіе назначенія новаго главнокомандующаго, *замысловатый планъ кн. Багратіона къ открытію похода 1810 г.* Планъ этотъ не только подвергается авторомъ всесторонней критической оцѣнкѣ, но, прилагая его къ условіямъ нашей послѣдней войны въ Турціи (1877—78 г.г.), А. Н. Петровъ находитъ его вполнѣ пригоднымъ къ обстановкѣ этой войны и ставитъ его гораздо выше того плана, которому мы въ ней слѣдовали, въ чемъ нельзя и не согласиться съ нимъ. Планъ этотъ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не былъ извѣстенъ *и является лишь въ пер-*

вый разъ въ печати, въ чемъ слѣдуетъ признать не малую заслугу со стороны А. И. Петрова. По поводу этого, приводя замѣчательно вѣрное мнѣніе Миля: «въ наше время лучше всѣхъ думаетъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ», авторъ высказываетъ вполнѣ справедливое сожалѣніе, что «разработка военно-историческихъ сочиненій у насъ ведется безъ системы и лишь случайно таковыя появляются въ свѣтъ. Поэтому и планъ кн. Багратіона оставался по сіе время неизвѣстнымъ» (ч. II, 434).

Послѣ такого серьезнаго отношенія къ приводимымъ имъ въ текстѣ сочиненія планамъ нашихъ главнокомандующихъ, нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ его заключительный выводъ по этому же предмету въ послѣдней главѣ ч. III (Общій обзоръ войнъ въ Турціи съ 1769 по 1812 г.г.), гдѣ на стр. 426 говорится о полнѣйшей *безпланности* въ нашихъ дѣйствіяхъ. Мы начинали войны съ Турціею, не зная ни ея естественныхъ условій, ни военныхъ средствъ и не имѣя даже картъ, которыя уже составлялись во время войны. Натурально, что при такихъ условіяхъ единственной цѣлью войны было только бить турокъ, гдѣ бы они ни встрѣтились (это, замѣтимъ, и составляетъ прежде всего главную цѣль всѣхъ операцій), *и самая война* велась какъ бы ощупью или, какъ удачно сказалъ одинъ изъ современниковъ: «война съ турками до сихъ поръ похожа была на игру дѣтей въ жмурки, гдѣ каждый ловитъ другаго, не умѣя себѣ сказать какъ и гдѣ онъ кого поймалъ». Такимъ образомъ выходитъ, что въ турецкихъ войнахъ все предоставлялось нами только одному *слѣпому случаю, а расчетъ вполнѣ отсутствовалъ*.

Приговоръ этотъ, конечно, не вѣренъ и никакъ не вяжется съ доводами автора, приводимыми въ текстѣ 3-хъ-томнаго его сочиненія.

Нѣтъ сомнѣнія, что планы нашихъ главнокомандующихъ были не безъ недостатковъ, даже крупныхъ, на которые авторъ въ своемъ мѣстѣ и указываетъ; но чтобъ у нихъ не было вовсе плановъ — это опровергается само собою. Этотъ строгій при-

говоръ А. Н. Петровъ относитъ главнымъ образомъ къ Михельсону и Прозоровскому.

Позволяю себѣ остановиться только на послѣднемъ, который хотя и дѣйствовалъ въ 1809 г. весьма неудачно (неудачные штурмы Журжи и Браилова), но *мыслилъ* недурно, какъ это видно изъ представленнаго имъ государю въ декабрѣ 1807 г. операціоннаго плана, приводимаго по существу Михайловскимъ-Даниловскимъ (ч. I, стр. 124—127) и на этотъ разъ — со ссылкою на документъ, на донесеніе 21-го декабря 1807 г. [1]).

---

[1]) Это, по моему мнѣнію, весьма важный документъ, важный хотя и не по отношенію къ тому, какъ фактъ совершился (планъ этотъ не осуществился на дѣлѣ), а по отношенію къ *внутренней сторонѣ* дѣла, къ *внѣшней работѣ* нашихъ главнокомандующихъ, и въ особенности важный для выясненія истиннаго значенія первенствующаго на войнѣ фактора, *силы*, по отношенію къ которому и опредѣляется значеніе (*относительное*) всѣхъ остальныхъ,—фактора *столь часто забываемаго, забытаго* въ эту войну на самомъ верху, ставившемъ нашимъ главнокомандующимъ цѣли, значительно превышавшія ихъ средства, и *забытаго* наконецъ, въ заключительныхъ выводахъ (въ концѣ ч. III), и самимъ авторомъ.

Мало того, коренная причина продолжительности нашей послѣдней войны съ Турціею (1877—78 г.г.) и неудачъ, испытанныхъ нами, заключалась въ томъ же забвеніи важнаго значенія на войнѣ основного фактора *силы*, въ пренебреженіи къ одному изъ законовъ стратегіи, который такъ искусно примѣнялся къ дѣлу великими стратегами, именно: закону крайняго напряженія *всѣхъ силъ, одновременнаго развертыванія, въ самомъ началѣ войны* (кампаніи, операціи), *всѣхъ силъ, которыми только можно располагать, не опасаясь начинать для этого слишкомъ много войскъ, а скорѣе—обратно, начинать слишкомъ мало*. Этотъ законъ въ особенности мастерски примѣнялся къ дѣлу величайшимъ изъ стратеговъ, Наполеономъ I, и пруссаками въ послѣднихъ ихъ войнахъ.

Начинать наши войны съ недостаточными силами, не только турецкія, но и всѣ вообще, — это наша застарѣлая, хроническая болѣзнь, съ полной откровенностью, между прочимъ, поставленная намъ на видъ въ 1-мъ изданіи сочиненія Сарматикуса: «Театръ войны въ Польшѣ».

Въ заключеніи, дѣлая оцѣнку нашимъ сильнымъ и слабымъ сторонамъ, вообще всѣмъ тѣмъ факторамъ, которые необходимо принять въ расчетъ при составленіи плана войны противъ насъ, на стр. 66, ч. II, онъ говоритъ, что «при оцѣнкѣ степени боевой готовности русской арміи, сравнительно съ сосѣдними, слѣдуетъ принять въ расчетъ еще одинъ факторъ. Ни разу еще, въ теченіе своей новѣйшей исторіи, Россія не *начинала войны* во всеоружіи, при полномъ развитіи своихъ силъ. *Она постоянно вела войны* лишь съ частью своихъ силъ, пока настоятельная нужда не побуждала ее къ дальнѣйшему ихъ развитію. Естественнымъ послѣдствіемъ этого *постоянно*

По Михайловскому-Данилевскому, хотя кн. Прозоровскій и располагалъ 80 т. (въ то время, какъ у его предшественника, Михельсона, было только 40 т.), но онъ считалъ ихъ достаточными только для войны *оборонительной*, а не *наступательной*, для которой онъ находилъ необходимымъ имѣть болѣе 150 т. Это — не совсѣмъ вѣрно. Въ донесеніи государю отъ 21-го декабря кн. Прозоровскій не упоминаетъ объ оборонѣ, а приводитъ собственно *два наступательныхъ плана. Одинъ, при малыхъ силахъ*, болѣе осторожный и медленный, съ *предварительнымъ овладѣніемъ крѣпостями* Журжею, Браиловымъ и въ особенности Измаиломъ, что и весьма естественно при такомъ условіи (остановился же въ 1796 г. генералъ Бонапарте, прошедшій въ 5 недѣль всю С. Италію до р. Минчіо, на 8 мѣсяцевъ передъ небольшой крѣпостью, Мантуей, единственно потому, что силы его не превосходили 40 т., — а какъ онъ смѣло обходилъ крѣпости, при соотвѣтствующей конечно парализаціи ихъ тѣмъ или другимъ способомъ, разъ-какъ онъ располагалъ большими силами!). *Другой планъ* Прозоровскаго имѣлъ въ виду наступленіе болѣе быстрое и рѣшительное, до Адріанополя, даже до Константинополя. Если, какъ сказано на стр. 125 (ч. I) у Михайловскаго-Данилевскаго (донесеніе Прозоровскаго имъ приводится въ сокращенномъ видѣ, съ нѣкоторыми только выдержками изъ подлинника), прежде взятія Измаила, Браилова и Журжи велѣно будетъ государемъ переходить черезъ Дунай, то необходимо *двѣ арміи*, *дѣйствующая* и *резервная* (т. е., позволю себѣ

повторяющагося явленія было то, что Россія начинаетъ свои войны съ неудачъ и большею частью сильно платится за науку (zahlt schweres Lehrgeld), пока добьется рѣшительной развязки». Далѣе онъ перечисляетъ рядъ войнъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ, по его выраженію, «безпрестанно повторяется это странное явленіе, которое не должно быть упускаемо изъ вида, именно вслѣдствіе своего хроническаго характера. Болѣе всего удивлена была Европа малымъ развитіемъ силъ, съ которыми это могущественное царство начало послѣднюю Восточную войну.

Вотъ гдѣ коренная причина и нашихъ неудачъ и затягиванія войны. Ее-то прежде всего и слѣдуетъ имѣть въ виду, а между тѣмъ она у А. И. Петрова забыта.

добавить, *первая* идетъ безостановочно впередъ, а *вторая* принимаетъ на себя обезпеченіе тыла). Въ дѣйствующей имѣть три корпуса: главный — въ 40 т., «ибо въ большемъ количествѣ войскъ не можно способно маневрировать(?)»; по сторонамъ главнаго корпуса имѣть два отдѣльныхъ, не менѣе 20 т. и не болѣе 25 т., и въ авангардѣ — 15 т., а резервной арміи состоять изъ 60 т., занимать княжества, осаждать крѣпости и имѣть отрядъ въ Малой Валахіи; 4) для успѣшнаго дѣйствія противъ Варны прибыть туда черноморскому флоту; 5) по случаю разрыва съ Англіею имѣть, для отраженія нападеній ея, береговой оборонительный корпусъ у Одессы и въ Крыму, и 6) (этотъ пунктъ, чисто тактическаго характера, касается обученія войскъ, почему мною здѣсь и опускается). «Устроивъ все такимъ образомъ, писалъ князь Прозоровскій, весьма возможно далеко двинуться впередъ, даже до Адріанополя, особливо пользуясь осеннимъ временемъ. Но къ лучшей удобности, надобно попытаться взять Варну, откуда по берегу моря пролегаетъ удобный путь въ Румелію. Слышалъ я, что близъ пролива Константинопольскаго есть такая позиція, что, занявши оную, столица держаться не можетъ» (Прозоровскій имѣлъ въ виду, вѣроятно, Чаталджинскую позицію).

«Прозоровскій, какъ говоритъ А. Н. Петровъ (ч. III, стр. 427), все писалъ и писалъ безъ конца, а дѣло у него не выходило». Хотя послѣднее и вѣрно, но, какъ видно, онъ писалъ дѣло. Приведенный планъ его, правда, написанный лишь въ общихъ чертахъ, не хуже наступательныхъ плановъ князя Багратіона и даже Кутузовскаго (составленнаго, по свидѣтельству А. Н. Петрова, еще въ 1793 г.; ч. III, стр. 254—256; Михайловскій-Данилевскій, ч. II, стр. 161—164).

Планъ Прозоровскаго важенъ потому, что выборъ того или другого образа дѣйствій онъ ставитъ въ зависимость отъ самаго коренного условія, *силы*, — по правильной его отправной точкѣ.

Именно отправляясь отъ этой основной причины, можно объяснить то, что А. Н. Петровымъ ставится въ укоръ нашимъ

главнокомандующимъ, какъ-то: *возню съ крѣпостями* и *медленность въ дѣйствіяхъ*. Все это — неизбѣжное слѣдствіе нашей слабости въ силахъ.

«Что касается до стратегическихъ соображеній войны съ Турціею, говоритъ А. И. Петровъ (ч. III, 429), то, какъ уже было сказано, у насъ не было твердо поставленной цѣли (это опровергается имъ же приводимыми планами). Встрѣчи съ непріятелемъ были какъ-бы случайными, и мы переходили отъ одной крѣпости къ другой, теряя подъ каждой цѣлый годъ кампаніи, и послѣдующій годъ все начинали снова. Такимъ образомъ, первую половину каждаго года мы повторяли старыя ошибки, а вторую употребляли на ихъ исправленіе, забывая военную аксіому, что *нужно дѣлать то, что противникъ не желаетъ*. Мы же, наоборотъ, дѣлали именно то, чего онъ желалъ, — брали поочереди одну крѣпость за другою, употребляя всѣ свои силы на преодолѣніе наибольшихъ преградъ, *гдѣ насъ ожидали* и готовили намъ сильный отпоръ. . . . .»; короче, авторомъ ставится намъ въ упрекъ *неправильная постановка цѣлей*, выборъ предметами дѣйствій *пунктовъ географическихъ*, крѣпостей, а не *живой силы*, непріятельской арміи (хотя это имъ прямо не высказывается, но таковъ смыслъ вышеприведенной выдержки), слабое примѣненіе столь важнаго *принципа внезапности* и *случайный характеръ босвыхъ столкновеній*.

Выше уже объяснено, почему мы прикованы были къ крѣпостямъ (по слабости силъ), но въ то же время мы не упускали изъ вида и *главнаго объекта, непріятельской арміи*, ловко примѣнявшей по совѣту Наполеона, *принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой*, прятавшейся въ Шумлѣ и избѣгавшей боя въ открытомъ полѣ. Избравъ предметомъ дѣйствій ту или другую изъ болѣе важныхъ крѣпостей, мы тѣмъ хотѣли, главнымъ образомъ, вызвать непріятельскую армію двинуться къ ней на-помощь, выйти въ открытое поле, и здѣсь уже выставить нашу сильную сторону противъ ея слабой (что до Кутузова однако не удавалось). Кажется, что при наличныхъ

тогда условіяхъ, выборъ географическихъ пунктовъ, какъ предмета дѣйствій, оправдывается обстановкою, причемъ непріятельская армія не только не забывается, а напротивъ того — постоянно имѣется въ виду (развѣ лучше другихъ поступилъ графъ Каменскій 2-й, выбравшій, со слабыми силами, предметомъ дѣйствій главную турецкую армію подъ Шумлой?). Что же касается случайныхъ сраженій въ эту войну, то я затрудняюсь ихъ привести. Ни одно изъ крупныхъ сраженій ея не носитъ для насъ характера сраженія *случайнаго*: всѣ они были *преднамѣренными*, вытекавшими изъ *расчета* свыше.

Таковы мои заключительные выводы, построенные на сочиненіи А. П. Петрова, далеко не согласные съ вышеприведеннымъ его заключеніемъ.

Главная ошибка въ дѣйствіяхъ нашихъ главнокомандующихъ (исключеніе составляетъ, конечно, образцово-веденная Кутузовская кампанія 1811 г.) заключалась прежде всего не въ томъ, что они вели войну съ *недостаточными силами*, такъ какъ они вели ее съ тѣмъ, что̀ имъ давалось свыше, и не въ *ошибочной постановкѣ цѣлей* (какъ только-что приведено), не въ *планахъ*, въ *замыслѣ* операцій, а въ *исполненіи* ихъ, въ недостаточной *подготовкѣ* ихъ рѣшенія какъ въ *широкомъ*, стратегическомъ смыслѣ, такъ и въ *болѣе тѣсномъ*, тактическомъ. Послѣднее, впрочемъ, относится не столько къ *полевымъ сраженіямъ*, сколько къ *атакамъ крѣпостей*.

Стратегическая подготовка рѣшенія той или другой операціи сводится, какъ извѣстно, въ каждомъ частномъ случаѣ, къ возможно искусному сочетанію между собою условій *силы, времени и пространства, къ сосредоточенію силъ въ кратчайшее время на меньшемъ пространствѣ, сравнительно съ непріятелемъ*, съ тѣмъ, чтобъ этимъ путемъ заручиться *относительнымъ численнымъ превосходствомъ надъ противникомъ*. «Самая лучшая стратегія, говоритъ Клаузевицъ, это — наиболѣе сильная вообще и въ особенности на рѣшительномъ пунктѣ». Привести къ полю сраженія войска̀ въ соразмѣрности 2 : 1 — та-

кова главная задача стратегической подготовки рѣшенія операціи. Вотъ какимъ путемъ, путемъ *возможно искусной группировки силъ во времени и пространствѣ*, возможнаго ихъ *сосредоточенія* въ предѣлахъ требованій обстановки, достигается превосходство въ стратегическомъ положеніи надъ противникомъ.

Противъ этого главнымъ образомъ и грѣшили наши главнокомандующіе, *излишне разбрасывая свои силы*.

Великое мастерство въ группировкѣ силъ, въ возможномъ сосредоточеніи своихъ крайне слабыхъ силъ, явилъ Кутузовъ въ 1811 г. У всѣхъ же остальныхъ, и прежде всего у Михельсона и князя Прозоровскаго, замѣчается въ большей или въ меньшей степени разброска силъ, а слѣдовательно и недостатокъ стратегической подготовки.

Хотя у Багратіона и графа Каменскаго 2-го разброска проявляется уже въ меньшей мѣрѣ, но и у Каменскаго 2-го, въ особенности во 2-мъ періодѣ его дѣйствій (одновременно и противъ Шумлы и Рущука), подъ вліяніемъ *раздраженія* послѣ неудачной атаки арміи визиря подъ Шумлою, войска его были настолько разбросаны, что на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій, подъ Рущукомъ, онъ имѣлъ не болѣе 20 т. (и это изъ 80-тысячной арміи!).

Послѣдствія Татарицкаго сраженія, даннаго княземъ Багратіономъ (10-го октября 1809 г.), хотя въ извѣстномъ смыслѣ и удачнаго для него, въ смыслѣ *отбитія удара только*, но далеко неудачнаго по отношенію къ преслѣдуемой *главной цѣли*, разбитія арміи визиря, и имѣвшаго слѣдствіемъ снятіе осады Силистріи, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ А. П. Петровъ, объясняются главнымъ образомъ *излишнею разбросной силъ*, т. е. *недостаточною стратегическою подготовкой* операціи.

На разборѣ этого вопроса, рѣшеніе котораго повліяло на неблагопріятный исходъ всей кампаніи 1809 г. (снятіе осады Силистріи и уходъ нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная), авторъ останавливается съ большимъ вниманіемъ и вполнѣ убѣдительно доказываетъ (ч. II, стр. 384—388), что слѣдовало бы двинуть

корпусъ Каменскаго 1-го къ Силистріи, а не къ Базарджику и Каварнѣ, для наблюденія за Варною, для чего достаточно было бы выслать только слабые отряды, такъ какъ съ этой стороны, въ эту минуту, никакой опасности не угрожало. Князю Багратіону было положительно извѣстно, что вся визирская армія собрана у Рущука и половина ея уже идетъ къ Силистріи. Точно также онъ могъ бы притянуть къ Силистріи и корпусъ *Засса*, освободившійся послѣ сдачи Измаила 14-го сентября и оставленный въ ней до 9-го октября, для пріема имущества крѣпости (?).

Все это, по расчету автора, давало возможность Багратіону, ко дню Татарицкаго сраженія (10-го октября), сосредоточить къ рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій, крѣпости Силистріи, до 40 т. и, оставя изъ нихъ 10 т., подъ прикрытіемъ сильныхъ укрѣпленій, противъ крѣпости, имѣть на полѣ сраженія 30 т., — силы, равныя непріятельскимъ, между тѣмъ какъ въ день боя у него было только 4.500 челов. пѣхоты (всего 7 тысячъ, по Богдановичу: «Исторія царствованія Императора Александа I», ч. II, 476) противъ 30 тысячъ.

«Если и при такой несоразмѣрности въ силахъ, говоритъ авторъ, всѣ атаки турокъ отбиты были горстью нашихъ войскъ, то можно-ли сомнѣваться, что съ 30 тысячами человѣкъ князь Багратіонъ уничтожилъ бы визирскую армію»?

Конечно, располагая равными съ противникомъ силами, онъ могъ бы, какъ развиваетъ далѣе авторъ, съ полной безопасностью для себя, обратиться въ бою къ самому смѣлому образу дѣйствій: оставивъ на занятыхъ позиціяхъ до 10 т., направить 20 т. въ обходъ праваго фланга и въ тылъ непріятелю и, окруживъ его передъ боемъ, въ случаѣ успѣха, или захватить всю армію, или разрушить ее.

Тогда, конечно, крѣпости пали бы сами собою. Этотъ недостатокъ въ дѣлѣ стратегической подготовки, столь вѣрно, въ данномъ случаѣ, очерченный А. П. Петровымъ, является глав-

ною причиной относительно слабыхъ результатовъ, достигнутыхъ Багратіономъ въ походѣ 1809 г.

Повторяемъ, цѣлями наши генералы, въ эту войну, задавались болѣе или менѣе правильно; не ихъ вина, что имъ давалось слишкомъ мало войскъ, а главная ошибка заключалась въ томъ, что эти *слабыя силы ими еще болѣе разбрасывались*, въ предѣлахъ, далеко превосходившихъ требованія обстановки.

Этотъ недостатокъ, прежде всего, въ силахъ и далѣе недостаточность *стратегической подготовки*,—вотъ что слѣдовало бы автору, въ заключительныхъ своихъ выводахъ въ концѣ ч. III, съ особенною силой поставить на видъ, а между тѣмъ въ нихъ объ этомъ и вовсе не упоминается.

Позволяю себѣ еще разъ замѣтить, что разъ-какъ всѣ задачи технической части стратегіи, исполненія стратегической операціи, какъ организація маршей-маневровъ, различные случаи расположенія арміи вблизи непріятеля,... сводятся къ искусной комбинаціи элементовъ *силы*, *времени* и *мѣста* (пространства, разстояній), то, въ важнѣйшіе моменты развитія операцій, въ описаніи послѣднихъ, они должны приводиться, въ особенности данная *силы*, съ большой точностью, причемъ слѣдуетъ строго отдѣлять силу *боевую* отъ силы *списочной*, т. е. число *штыковъ* и *сабель* отъ числа *ртовъ* (объ условіяхъ мѣста, пространствъ, разстояніяхъ заботиться нѣчего: ихъ дастъ карта, точно также и о *времени*: стратегія считаетъ его *днями*, — другое уже дѣло въ тактикѣ, какъ приведено будетъ ниже, такъ какъ тактика считаетъ его *часами*).

Такимъ образомъ А. Н. Петровъ, разбирая вопросъ о доведеніи силъ Багратіона передъ Татарицкимъ сраженіемъ до 40 т., путемъ притягиванія корпусовъ Каменскаго 1-го и Засса, и не приводя при этомъ ихъ боевой силы въ эту минуту, ставитъ читателя въ необходимость вѣрить ему на слово въ возможность сосредоточить къ Силистріи эти 40 т. Можетъ быть, онъ полагаетъ достаточнымъ приведенной числительной силы ихъ въ началѣ кампаніи; но вѣдь эта данная со временемъ должна была

сильно измѣниться, въ особенности при тяжкихъ условіяхъ Балканскаго полуострова. Можетъ быть, по имѣющимся матеріаламъ, нельзя точно опредѣлить, съ должной обстоятельностью, боевой силы той или другой части въ тотъ или другой моментъ развитія операціи; такъ это слѣдуетъ выяснить, или разъ-на всегда оговорить въ предисловіи, или, еще лучше,— въ особомъ общемъ обзорѣ рукописныхъ матеріаловъ, въ приложеніи, подобно тому, какъ это авторомъ сдѣлано въ обзорѣ печатныхъ матеріаловъ, находившихся въ его распоряженіи.

Я далекъ отъ мысли ставить *недостаточно точное указаніе силъ* въ упрекъ автору разбираемаго сочиненія, такъ какъ это — недостатокъ общій всѣхъ нашихъ военно-историческихъ сочиненій, но имѣю главнымъ образомъ въ виду только намѣтить его важность для будущихъ военно-историческихъ работъ.

Обращаясь къ *тактической* сторонѣ дѣла, слѣдуетъ признать, что она рѣзко отличается отъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго большею полнотой и основательностью въ описаніи болѣе крупныхъ сраженій, критическимъ разборомъ ихъ, отчетливымъ изображеніемъ важнѣйшихъ моментовъ въ бояхъ, какъ въ текстѣ, такъ и на планахъ, указаніемъ соотвѣтствующаго имъ расположенія войскъ и достаточною разработкой деталей.

Тактическій отдѣлъ въ сочиненіи А. Н. Петрова выигралъ бы еще болѣе, еслибъ авторъ, столь щедрый на выписки изъ подлинныхъ документовъ, въ особенности въ политическомъ отдѣлѣ, въ военно-административномъ и отчасти въ стратегическомъ [1]), не былъ такъ скупъ на нихъ въ тактическомъ. Такіе

[1]) Такимъ образомъ, высочайшій рескриптъ князю Прозоровскому, отъ 30-го іюля 1807 г. № 168, вмѣстѣ съ отношеніемъ къ нему военнаго министра приведены въ текстѣ почти полностью дважды (ч. II, на стр. 243 и 250 и на стр. 324—328); въ послѣднемъ случаѣ достаточно было бы и простой ссылки.

Невольно зададишь себѣ вопросъ: къ чему на стр. 144, ч. III, въ подлинникѣ, приведенъ документъ, не имѣющій никакого значенія: *условія Чистов-*

важные документы, какъ напримѣръ *диспозиціи* для сраженій, по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныхъ, должны быть приводимы въ возможной полнотѣ, а еще лучше —полностью, если не въ текстѣ, то по крайней мѣрѣ въ приложеніяхъ. Полностью въ подлинникѣ авторомъ приведена только одна диспозиція, отъ 23 марта 1809 г. (ч. II, приложеніе 6), для штурма Журжи; всѣ же остальныя— въ выдержкахъ, въ болѣе или менѣе обобщенной формѣ.

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Для возможно упорядоченнаго описанія хода сраженія, для изображенія его въ цѣльной картинѣ, и наконецъ для правильнаго сужденія о степени проявленія въ немъ собственно тактическаго искусства, для рѣшенія вопроса: было-ли оно ведено въ упорядоченномъ видѣ, въ духѣ единства въ дѣйствіяхъ, внутренней цѣльности, или же въ хаотическомъ безпорядкѣ, безъ внутренней связи между его частными эпизодами, для всего этого особенно важно возможно точное *указаніе времени, часа*, въ который разыгрался тотъ или другой эпизодъ сраженія.

Какъ извѣстно, каждое сраженіе состоитъ изъ двухъ главныхъ актовъ: *подготовки* и *рѣшенія* (атаки). Всѣ частные эпизоды сраженія, относящіеся къ подготовкѣ, должны находиться между собою въ связи *во времени*, въ отношеніи *послѣдовательности*, т. е. должны разыграться *одинъ послѣ другого*; всѣ же частные эпизоды, относящіеся до рѣшительнаго акта атаки, должны находиться между собою въ связи по отношенію къ *пространству*, въ отношеніи *сосуществованія*, т. е. должны разыграться *одинъ возлѣ другого*, *одновременно*. Сраженіе, въ которомъ этимъ требованіямъ удовлетворено, является цѣльнымъ, упорядоченнымъ и представитъ собою образецъ проявленія тактическаго искусства, однимъ словомъ — оно ведено *планообр-*

ской капитуляціи 2-го сентября 1810 г., не представляющей никакой выдающейся особенности.

При выборѣ документовъ для включенія ихъ въ текстъ сочиненія, необходимо прежде всего установить для того извѣстныя отправныя точки, руководящія положенія, а не предоставлять это дѣло *случаю*.

разно (какъ говорятъ нѣмцы, «*planmässig*»), и наоборотъ, сраженіе, въ которомъ эти условія не выполнены, представитъ собою отсутствіе тактическаго искусства, такъ какъ оно ведено въ хаотическомъ безпорядкѣ. Такое сраженіе будетъ собственно *вожденіемъ войскъ на убой* (Наполеонъ потому и рѣзко отличалъ «*conduire les troupes au combat*» или «*conduire les troupes à la boucherie*»).

Изъ приведеннаго видно, насколько *правильное пользованіе* столь вѣскимъ элементомъ, какъ *время*, важно въ веденіи боя. Настолько же важно *точное указаніе* его и въ описаніи боя (я разумѣю по отношенію къ важнѣйшимъ по крайней мѣрѣ его моментамъ). Безъ перваго не будетъ упорядоченнаго, внутренно-цѣльнаго боя, безъ второго не будетъ упорядоченной, цѣльной картины его.

Разберемъ съ этой точки одно изъ болѣе крупныхъ сраженій русско-турецкой войны 1806—12 г.г., сраженіе хорошо задуманное, но дурно исполненное, именно *подъ Шумлою* 11-го іюня 1810 г., описаніе котораго является въ сочиненіи А. П. Петрова нѣсколько менѣе удавшимся, сравнительно съ его же описаніемъ другихъ большихъ сраженій этой войны (напримѣръ при Обплештп, ч. I, стр. 186—190).

Описавъ приближеніе гр. Каменскаго 2-го съ главными силами къ Шумлѣ (ч. III, стр. 60), ознакомивъ съ самонадѣяннымъ приказомъ его отъ 9-го іюня и упомянувъ о рекогносцировкѣ непріятельской позиціи генералъ-квартирмейстеромъ *Фридерики*, открывшимъ на лѣвомъ флангѣ противника никѣмъ не занятую высоту, командовавшую всею непріятельскою позиціей, А.П. Петровъ знакомитъ съ планомъ, составленнымъ Каменскимъ для атаки этой позиціи 11-го числа, отличающимся вѣрностью и простотою замысла и состоявшимъ въ веденіи *главной* атаки нашимъ *правымъ флангомъ* (войсками Левиза и Сабанѣева) на означенную высоту и *демонстративной лѣвымъ флангомъ* (войсками гр. Каменскаго 1-го) (стр. 61). Этотъ весьма правильно-соображенный планъ былъ въ концѣ испорченъ въ исполненіи,

именно вслѣдствіе *путаницы во времени*, приведшей къ тому, что одни частные эпизоды сраженія, которые должны были разыграться въ началѣ его, разыгрались подъ конецъ и обратно.

На стр. 62-й упоминается, что атака главная (Сабанѣева) и демонстративная (гр. Каменскаго 1-го) должны быть ведены *одновременно*. Если такое распоряженіе было дѣйствительно сдѣлано, то это во всякомъ случаѣ ошибка, которую слѣдовало бы отмѣтить, чего авторъ не дѣлаетъ. Демонстративная, ложная атака, будучи однимъ изъ видовъ подготовки главной атаки, уже по существу дѣла, какъ подготовка, должна (по крайней мѣрѣ начало ея) предшествовать главному акту, а не происходить одновременно съ нимъ. На самомъ же дѣлѣ вышло еще хуже, такъ какъ демонстративная атака была произведена даже послѣ главной. Послѣднее обстоятельство ставится на видъ авторомъ.

Относительно *центра* арміи сначала приводится, что когда правый флангъ (Сабанѣева) займетъ высоту, то центръ долженъ примкнуть къ нему съ лѣвой стороны, уступая свое первоначальное мѣсто, на Силистрійской дорогѣ, корпусу гр. Каменскаго 1-го, подающемуся для этого вправо. Далѣе, на стр. 62-й и 63-й говорится: «въ то время, какъ Левизъ и гр. Каменскій 1-й обратятъ на себя вниманіе противника, главныя наши силы, составляя центръ арміи, откроютъ рѣшительное наступленіе по Силистрійской дорогѣ(?)», съ которой, согласно вышеприведенному, онѣ должны были уже перейти вправо, — *явное противорѣчіе*, во всякомъ случаѣ недостатокъ ясности въ изложеніи *предварительныхъ къ бою распоряженій*.

Обращаясь къ описанію *самого хода боя*, разсмотримъ его съ точки *времени*, съ точки указанія авторомъ *часовъ*, когда разыгрался тотъ или другой изъ частныхъ эпизодовъ боя.

Въ *6 ч. утра* главныя силы арміи двигаются по Силистрійской дорогѣ крайне медленно (сильно пересѣченная мѣстность). «Между тѣмъ (стр. 63), на правомъ флангѣ не было слышно еще выстрѣловъ изъ отряда Левиза, который *прежде всѣхъ?)*

долженъ былъ начать бой и занять высоту», — противорѣчіе съ прежде приведеннымъ, да и противно логикѣ дѣла, чтобы главная атака предшествовала подготовительной. (Это и есть Наполеоновское *«вожденіе войскъ на убой»*). «Встрѣтивъ по дорогѣ разломанные мосты, отрядъ Левиза опоздалъ начать дѣло» (замѣчу отъ себя: это — *счастливая случайность*, готовая исправить дурныя распоряженія).

«Хотя центръ арміи, вслѣдствіе этой случайности, продолжаетъ авторъ (стр. 63), и пріостановилъ свое движеніе, но уже оно было замѣчено изъ крѣпости, такъ что въ *9 ч. утра*, по прибытіи центра къ рѣчкѣ Кадыкіой, увидѣли на противоположномъ берегу ея рядъ высотъ, въ 2 верстахъ отъ Шумлы, занятыхъ многочисленными массами непріятельской кавалеріи и пѣхоты».

Такимъ образомъ наше наступленіе обнаружено, и въ центрѣ завязывается весьма упорный бой.

Корпусъ же Каменскаго 1-го, которому прежде всѣхъ слѣдовало начать наступленіе (и идти приходилось не болѣе 6 верстъ), въ это время еще не трогался съ мѣста ночлега, подъ предлогомъ усталости людей (въ сущности же, какъ приводитъ А. Н. Петровъ по свидѣтельству генерала *Фридерици* [стр. 64], — по интригѣ старшаго брата противъ младшаго, главнокомандующаго [стр. 66]).

Левизъ пока еще не начинаетъ боя. Главнокомандующій приказываетъ пріостановить наступленіе центра и принимаетъ съ своей стороны мѣры (*нѣсколько странныя*) для предварительнаго овладѣнія высотою, не выжидая подхода Левиза. Онъ *сперва* посылаетъ, для атаки высоты, сильно занятой непріятелемъ, одинъ баталіонъ, *за нимъ* — полкъ, подъ начальствомъ кн. Трубецкаго, и далѣе еще 4 роты. Вопросъ идетъ объ атакѣ, которая должна быть прежде всего *сразу начата достаточными силами* и *ведена одновременно*; здѣсь же малыя части высылаются *послѣдовательно*, по выраженію Наполеона, «par petits paquets»; авторъ даже не останавливается на такомъ безобразіи.

«Преодолѣвъ всѣ мѣстныя затрудненія и выдержавъ ожесточенный бой, кн. Трубецкой вступилъ наконецъ на высоту и построилъ каре» (далѣе слѣдуетъ описаніе принятаго имъ боеваго порядка).

«*Въ то же время* г.-л. Левизъ вступилъ на ту же высоту и сталъ правѣе кн. Трубецкаго», а *въ какомъ именно часу* (этотъ актъ сраженія слишкомъ важенъ) — не обозначено.

«Только тогда (снова ссылка на тотъ же необозначенный часъ, стр. 66), когда отрядъ г.-л. Левиза вступилъ на высоты, на которыхъ завязался ожесточенный бой съ янычарами, корпуса гр. Каменскаго и Маркова вступили въ сферу артиллерійскаго огня» (чѣмъ подтверждается еще бо́льшая важность этой минуты).

Такимъ образомъ ясно, что весь превосходно-составленный планъ сраженія этимъ былъ совершенно опрокинутъ. Вмѣсто наступленія на обоихъ флангахъ, демонстративнаго на лѣвомъ и главной атаки на правомъ, усиленныхъ войсками центра, бой начался въ центрѣ. Оба фланга опоздали, но по времени насколько—этого изъ описанія сраженія не видно.

Затѣмъ, продолжая описаніе боя на нашемъ правомъ флангѣ, авторъ (стр. 67) говоритъ: «Въ это время, около *8 часовъ* утра, на (нашемъ) правомъ флангѣ бой все болѣе и болѣе разгорался». Если это такъ, то правый флангъ, ведущій упорный бой съ непріятелемъ уже въ *8 часовъ* утра, вовсе не такъ сильно опоздалъ, сравнительно съ центромъ, который, какъ выше приведено, началъ наступленіе въ 6 часовъ утра и прибылъ въ *9 часовъ* къ рѣчкѣ Кадыкіой (стр. 63).

Далѣе слѣдуетъ описаніе перехода турокъ въ наступленіе, для обхода нашего праваго фланга, и мѣръ главнокомандующаго для парализаціи этого обхода, уже *безъ всякаго обозначенія времени.*

И потомъ, *нѣсколько неожиданно* для читателя, вниманіе котораго все время сосредоточивалось до сихъ поръ на дѣйствіяхъ, относившихся къ утру 11-го іюня (на стр. 69-й), «*наступившая*

темнота прекратила, наконецъ, ожесточенный бой 11-го іюня. Войска наши не уступили ни одного вершка изъ занятыхъ ими позицій и остались на нихъ и слѣдующій день».

Такимъ представляется описаніе сраженія подъ Шумлою, 11-го іюня, съ точки столь важнаго въ бою элемента *времени*. Оттого и трудно представить полную и ясную картину внутренняго развитія боя, связи во времени и въ пространствѣ между его частными эпизодами.

Здѣсь остается повторить то же, что̀ мною высказано было по отношенію возможно точнаго обозначенія элемента *силы* въ описаніи исполнительной части стратегическихъ опе́рацій, т. е., что вина въ этомъ падаетъ, можетъ быть, не на автора, а на матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, на *неполноту реляцій*. Такъ это слѣдовало бы оговорить гдѣ-нибудь и поставить на видъ, въ назиданіе составителямъ реляцій, которые, нерѣдко увлекаясь разнаго рода частностями, риторическими украшеніями, слишкомъ легко относятся къ вышеприведеннымъ важнымъ даннымъ и упускаютъ изъ вида возможно полное и вѣрное изображеніе внутренняго развитія сраженія, чтобы можно было су́дить, насколько *упорядоченно* или *безпорядочно* оно было ведено. Подобно тому, какъ необходимо помѣщать нѣсколько диспозицій въ приложеніяхъ, не мѣшало бы полностью привести въ нихъ и одну изъ реляцій болѣе крупнаго сраженія, хоть только-что разсмотрѣннаго, 11-го іюня 1810 г.[1]). Это было бы интересно и въ другихъ отношеніяхъ, знакомя отчасти со взглядами на дѣло, языкомъ... тогдашняго военнаго поколѣнія. Въ приложеніяхъ не встрѣчается ни одной реляціи.

Мною разобрано у А. П. Петрова одно изъ менѣе удачныхъ описаній сраженій; но для справедливой оцѣнки его труда, съ тактической стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида ряда весьма удачныхъ описаній сраженій (о чемъ приведено выше), какъ-то: при *Обилешти*, *Рассеватъ*, *Татарицѣ* и *Батинѣ*, осо-

[1]) Недостатки ея, въ случаѣ еслибъ они были, послужатъ во многомъ къ оправданію автора.

бенно — при *Обилешти*. Вся операція Милорадовича подъ Бухарестомъ, съ 31-го мая до 3-го іюня 1807 г., включая сраженіе при Обилешти, изложена образцово, начиная отъ частностей исполненія до общихъ соображеній; такъ мѣры для развѣдки о непріятелѣ; окончательное ориентированіе относительно его положенія; выработка основной идеи операціи (обращеніе противъ опаснѣйшаго противника); мѣры къ обезпеченію фланговъ и тыла; выборъ пути (хотя и болѣе кружнаго и менѣе удобнаго) въ видахъ *внезапнаго* появленія передъ непріятелемъ; мѣры для обезпеченія съ обоихъ фланговъ наступательнаго марша къ Обилешти (поддержаніе связи между колоннами Уланіуса и Бахметьева, уравненіе ихъ движенія), равно какъ распоряженія о сосредоточеніи къ полю сраженія, непосредственно передъ боемъ всѣхъ силъ, отрядовъ, высланныхъ вправо и влѣво (Нитича и Мелентьева), — все это, обнимающее пока только стратегическую сторону дѣла, изложено безупречно. То же относится и до тактической стороны и особенно до *разбора всей операціи* (стр. 192 — 194, ч. I).

У Михайловскаго-Данилевскаго та же операція изображена, хотя и весьма удачно, но только въ общемъ обзорѣ, въ главныхъ, магистральныхъ линіяхъ, на 5 страницахъ (ч. I, 53—58), минуя всѣ частныя подробности и безъ всякаго критическаго разбора. У А. П. Петрова описаніе той же операціи, въ цѣломъ и въ частностяхъ, обнимаетъ до 15 страницъ (ч. I, 181—195), причемъ ни одна изъ болѣе или менѣе имѣющихъ значеніе частностей не упущена изъ вида, и всему сдѣлана полная и вѣрная оцѣнка.

Вообще тактическій отдѣлъ сочиненія А. П. Петрова, «Русско-Турецкая война 1806 — 12 г. г.» по крайней мѣрѣ относительно большинства фактовъ, изслѣдованныхъ имъ съ тактической стороны, тоже долженъ быть причисленъ, къ сильнымъ отдѣламъ труда.

Не вполнѣ упорядоченное описаніе нѣкоторыхъ сраженій, напр. подъ Шумлою, съ точки точнаго указанія *времени*, когда

разыгрался тотъ или другой изъ его частныхъ эпизодовъ, хотя является немаловажнымъ недостаткомъ по онъ мною не ставится особенно на видъ автору, такъ какъ это—недостатокъ болѣе или менѣе общій всѣмъ до настоящаго времени вышедшимъ у насъ военно-историческимъ сочиненіямъ. Устраненіе его—это задача будущаго, потому собственно онъ мною и намѣченъ.

Тактическое искусство, вожденіе войскъ въ бой, обращается въ *вожденіе ихъ на убой* не только отъ недостаточной связи во *времени* (въ отношеніи къ ихъ *послѣдовательности* и *сосуществованія*) между частными эпизодами сраженія, но и главнымъ образомъ отъ *недостаточной*, не доведенной до окончательной степени зрѣлости, *подготовки послѣдняго, рѣшительнаго акта боя* — атаки непріятельской позиціи или штурма крѣпости.

Выше мною разсмотрѣнъ вопросъ о томъ, какъ наши главнокомандующіе, въ войну 1806—12 г. г., относились къ подготовкѣ успѣха сраженій въ широкомъ смыслѣ, вопросъ о *стратегической подготовкѣ* рѣшающаго акта операціи (сраженій), причемъ въ большинствѣ случаевъ (кромѣ Кутузова въ 1811 г. и Милорадовича въ его операціи подъ Бухарестомъ въ 1807 г.) пришлось убѣдиться въ недостаточности ея, въ излишней разбросѣ и безъ того уже слабыхъ силъ.

Обращаясь теперь къ *тактической подготовкѣ*, насколько она проявляется въ *полевыхъ сраженіяхъ* Русско-Турецкой войны 1806—12 г. г. и въ *атакахъ крѣпостей*, нельзя не замѣтить, что она, въ наиболѣе крупныхъ полевыхъ сраженіяхъ, въ большей части случаевъ, внѣ упрека (*Обилешти, Рассеватъ, Батинъ, Рущукъ*), что́ и выяснено авторомъ. Исключеніе составляетъ *Татарицкое* сраженіе, представляющее собою *дерзкую* фронтальную атаку 20 т. непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на сильной по природѣ и въ особенности сильно-укрѣпленной позиціи, съ 4.500 челов. пѣхоты, 25 эскадронами и 10 казачьими полками (общее число войскъ у А. П. Петрова не показано; по другимъ же источникамъ оно не превосходило 7 т.). При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что фронтальная атака, не смотря на сла-

бость нашихъ силъ, была ведена не на одинъ пунктъ, а на нѣсколько. Приводимое авторомъ (ч. II, 379) Суворовское правило *«считать непріятеля только послѣ его пораженія»* — правило хорошее, прежде всего, для самого Суворова; но для другихъ оно можетъ обратиться и въ браваду. Въ примѣненіи его есть *извѣстная мѣра*, какъ и въ примѣненіи каждаго правила, и въ данномъ случаѣ эта мѣра была перейдена кн. Багратіономъ, что̀ автору не мѣшало бы подчеркнуть, разобравъ настолько же обстоятельно *тактическую подготовку* Татарицкаго сраженія, какъ то̀ имъ сдѣлано по отношенію къ *стратегической* подготовкѣ всей операціи, чего, однако, у него не встрѣчается.

Вопросъ о *недостаточности тактической подготовки* въ *атакахъ крѣпостей*, въ *частныхъ* описаніяхъ и разборахъ атакъ той или другой крѣпости, авторомъ констатируется съ достаточной ясностью; но въ виду той особенной роли, которую играли крѣпости какъ въ эту войну, такъ и вообще въ нашихъ прежнихъ войнахъ съ турками, въ *общемъ обзорѣ*, при разсмотрѣніи причинъ, постоянно проявлявшихся въ образѣ нашихъ дѣйствій въ турецкихъ войнахъ 1769— 1812 г. г., изслѣдованію вопроса о вліяніи на наши дѣйствія крѣпостей и о способахъ овладѣнія ими не мѣшало бы посвятить и соотвѣтствующее ихъ значенію вниманіе, чего А. Н. Петровъ не сдѣлалъ.

Дѣйствительно, въ эту войну намъ пришлось не мало повозиться съ крѣпостями. Онѣ являются въ ней не менѣе 18 разъ нашими *предметами дѣйствій*: *Измаилъ* (два раза), *Журжа* (тоже), *Браиловъ* (тоже), *Мачинъ*, *Гирсово*, *Силистрія* (два раза), *Базарджикъ*, *Разградъ*, *Туртукай*, *Рущукъ* (два раза), *Систовъ*, *Турно* и *Никополь*.

Авторъ, такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ, правъ, называя нашъ образъ веденія этой войны *«войною съ крѣпостями. ..»* Какъ фактъ—это вѣрно; но самый фактъ отнесенъ имъ къ причинѣ невѣрной, къ *«современному тогда взгляду на военное искусство»*. Полагалось невозможнымъ, говоритъ онъ (ч. III, 425), переходить черезъ Дунай прежде чѣмъ не будутъ взяты

всѣ турецкія крѣпости по лѣвой сторонѣ рѣки. Затѣмъ предстояло брать собственно дунайскія крѣпости праваго берега и уже потомъ признавалось возможнымъ наступать за Дунаемъ къ Балканамъ, для того, чтобы опять брать Варну и Шумлу, и только послѣ того переходить Балканы».

Какъ уже и было приведено, главною причиной этой *«возни съ крѣпостями»*, къ которой она и должна быть прежде всего отнесена, была *слабость нашихъ силъ*, оправдывающая такой способъ дѣйствій, коренная причина всѣхъ явленій войны, причина всѣхъ причинъ, о которой авторъ въ своихъ заключительныхъ выводахъ и не упоминаетъ. Ее-то и слѣдовало бы съ особою силой отмѣтить и поставить во главѣ всего изслѣдованія.

Возвращаясь къ крѣпостямъ, къ способамъ овладѣнія ими и къ вопросу о тактической подготовкѣ ихъ атаки, замѣтимъ:

1) изъ 18 разъ, что крѣпости служили предметами нашихъ дѣйствій, было 13 удачныхъ и 5 неудачъ;

2) изъ 13 удачныхъ слѣдуетъ отмѣтить 7 случаевъ сдачи турецкихъ крѣпостей *безъ боя* (1810 г. 25 мая—Туртукай, 5 іюня—Разградъ, 29 августа—Систовъ, 15 сентября—Рущукъ и Журжа, 6 октября—Турно, 15 октября—Никополь; послѣднія 6 сдались подъ вліяніемъ моральнаго давленія, произведеннаго побѣдою гр. Каменскаго 2-го при Батинѣ 26 августа 1810 года).

Такимъ образомъ, на 6 удачныхъ атакъ крѣпостей приходится 5 неудачъ.

Къ удачнымъ относятся:

а) взятіе *Мачина* (14-го августа 1809 г. обложенъ; съ 15-го — *бомбардированіе* съ 300 саж.; 18-го—сдача на капитуляцію Маркову);

б) взятіе *Гирсова* 20-го августа 1809 г. Платовымъ (послѣ двухдневнаго *бомбардированія* 18-го и 19-го августа);

в) взятіе *Измаила* 14-го сентября 1809 г. Эссеномъ 3-мъ (23-го августа обложенъ; съ 4-го сентября — *частное*, а съ

12-го—*общее* бомбардированіе; взрывъ пороховаго погреба и пожаръ);

г) взятіе *Браилова* 21-го ноября 1809 г. Эссеномъ 3-мъ (2-го ноября обложенъ; 13-го ноября—прибытіе осадной артиллеріи, чего и было достаточно для понужденія гарнизона къ сдачѣ; такимъ образомъ, крѣпость эта сдалась *почти безъ боя*, такъ какъ послѣдній заключался только въ отраженіи слабыхъ вылазокъ турокъ);

д) взятіе *Силистріи* Ланжеропомъ 30-го мая 1810 г. (23-го мая — приближеніе къ ней; 25-го — обложеніе; 26-го — начало *бомбардированія*; къ ночи 29-го подступы доведены до 40 саж. отъ крѣпости; 30-го крѣпость сдалась);

е) взятіе *Базарджика* 22-го мая 1810 г. гр. Каменскимъ 1-мъ (прибытіе къ крѣпости — 21-го мая) *штурмомъ среди бѣлаго дня*, продолжавшимся съ 3 до 4 часовъ пополудни и предпринятымъ въ расчетѣ на *неожиданность*, такъ какъ турки, въ виду нашихъ штурмовъ, производившихся обыкновенно ночью или на разсвѣтѣ, были особенно бдительны по ночамъ. Расчетъ гр. Каменскаго вполнѣ оправдался: турки не обратили особеннаго вниманія на *всѣ подготовительныя къ штурму движенія*, исполненныя утромъ 22-го мая, принимая ихъ за демонстраціи, и были окончательно захвачены врасплохъ.

Итакъ, изъ 6 удачныхъ атакъ крѣпостей, *одна* (Базарджикъ) взята *штурмомъ*; *одна* (Браиловъ) — *почти безъ боя* и *четыре* (Мачинъ, Гирсово, Измаилъ и Силистрія)—посредствомъ *бомбардированія*.

Къ *неудачнымъ* атакамъ крѣпостей, въ эту войну, относятся:

а) Осада *Измаила* Мейндорфомъ (18 т.) съ 3-го марта до 12-го іюня 1807 г. Причины неудачи: сильный гарнизонъ, предводимый храбрымъ Пегливанъ-пашею; рядъ его энергическихъ вылазокъ (6-го и 17-го марта, 2-го апрѣля, въ концѣ мая и 12-го іюня); непмѣніе при корпусѣ Мейндорфа осадной артил-

леріи (слѣдовательно — невозможность бомбардированія); пришлось ограничиться блокадою, да и та была далеко не полною, по малочисленности войскъ и вслѣдствіе невозможности овладѣть предварительно крѣпостью Тульчей.

Слѣдовательно, главная причина неуспѣха нашего подъ Измаиломъ объясняется *недостаточностью средствъ* (войскъ и осадной артиллеріи) съ нашей стороны, недостаткомъ *стратегической* подготовки.

б) Неудачный штурмъ *Журжи* 24-го марта 1809 г. *Штурмъ, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ подготовленъ путемъ тайныхъ сношеній* съ начальникомъ рущукскихъ войскъ, Ахметомъ-эффенди. Сношенія эти за два дня до штурма были обнаружены турками; Ахметъ бѣжалъ въ Бухарестъ, куда однако прибылъ послѣ уже штурма Журжи. Новый начальникъ, Хозревъ-Мегметъ, принялъ энергическія мѣры къ оборонѣ, между прочимъ — возвысилъ валъ и углубилъ ровъ (такъ что заготовленныя нами лѣстницы оказались короткими). Все это было неизвѣстно Милорадовичу, на котораго князь Прозоровскій возложилъ главное руководство штурмомъ. И въ результатѣ, какъ говоритъ А. Н. Петровъ (ч. II, 214 — 215), «вмѣсто неожиданнаго нападенія и легкаго штурма, пришлось встрѣтить бдительный надзоръ и энергическое сопротивленіе».

По А. Н. Петрову, *неожиданность* обратилась противъ Милорадовича, который, вслѣдствіе этого, не можетъ быть отвѣтственнымъ за штурмъ, предпринятый безъ достаточной подготовки [1]).

---

[1]) По Михайловскому-Данилевскому (ч. I, 135), дѣло объясняется иначе, именно, что Милорадовичу еще до штурма было извѣстно объ открытіи нашего намѣренія турками и что объ этомъ онъ донесъ главнокомандующему, который тѣмъ не менѣе приказалъ «штурмовать Журжу», присовокупляя, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, *«соображаться съ обстоятельствами»*.

Фактъ недостаточной подготовки штурма Журжи констатируется обоими писателями; но, по А. Н. Петрову, собственно виноватаго въ этомъ упущеніи нѣтъ, такъ какъ Прозоровскій передалъ распоряженіе всею операціей штурма Милорадовичу, и послѣдній не зналъ о перемѣнѣ въ обстановкѣ, а по Михай-

в) Неудачный штурмъ *Браилова* 20-го апрѣля 1809 г. Главная причина — *недостаточная подготовка*: прежде всего— мало войскъ, (8 т. противъ 12 т.), подступы доведены только на 200—250 саж. отъ крѣпости; наконецъ и самый штурмъ тремя колоннами, на которыя были раздѣлены войска, былъ веденъ имп *не одновременно, а послѣдовательно*; преждевременная атака лѣвой колонны, когда двѣ другія не успѣли еще подойти къ ретраншаменту, дала время непріятелю приготовиться къ отпору въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ.

Итакъ, главныя причины неудачнаго штурма Браилова сводятся къ: 1) *недостатку его подготовки*, и 2) *безобразному его веденію*.

г) Снятіе осады Силистріи 14-го октября[1]) 1809 г. (обложена съ 11-го сентября), вслѣдствіе Татарицкаго сраженія (10-го октября), въ которомъ князю Багратіону хотя и удалось *отбить* ударъ турецкаго вспомогательнаго корпуса, прибывшаго на-выручку крѣпости, но не удалось *разбить* его; далѣе—по позднему времени года и вслѣдствіе близости 50-т. арміи визиря (около 10 верстъ). Багратіонъ, по снятіи осады, отошелъ къ Черноводамъ, куда и прибылъ 20-го октября.

Главная причина этой неудачи— *недостаточность стратегической подготовки*, какъ приведено было выше, т. е. сосредоточенія къ Силистріи недостаточныхъ силъ.

и д) Два неудачныхъ штурма *Рущука*: первый—Засса, *6-го іюля* 1810 г., предпринятый *преждевременно*, съ цѣлью занять

ловскому-Данилевскому—оба объ этомъ знали, и главнымъ виновникомъ является князь Прозоровскій, несмотря на это, приказавшій Милорадовичу штурмовать Журжу. Михайловскій-Данилевскій, въ подтвержденіе своего показанія, на этотъ разъ, ссылается на документъ, вопреки своей привычкѣ, именно *«повельніе» Милорадовичу отъ 10-го марта № 72*. А. П. Петровъ, тоже вопреки своему обычаю, для уясненія этого темнаго вопроса, не приводитъ документа».

[1]) У А. П. Петрова — *14-го сентября*; это, очевидно, опечатка, но далѣе числа приводятся безъ означенія мѣсяца, что̀ путаетъ читателя. Вообще опечатки въ *датахъ* затрудняютъ чтеніе, особенно стратегической стороны дѣла, а такихъ опечатокъ въ сочиненіи А. П. Петрова, вѣроятно, вслѣдствіе спѣшности печатанія, не мало. Укажу хоть на ч. III, стр. 37, 49, 50, 75, 76, 90.

Рущукъ до прибытія къ нему главнокомандующаго, который выступилъ въ этотъ день отъ Шумлы къ Рущуку, для овладѣнія послѣднимъ, и второй—*22 іюля*, веденный самимъ главнокомандующимъ, *потерявшимъ терпѣніе* послѣ того, какъ усиленное бомбардированіе, начатое съ 11-го іюля и продолжавшееся въ послѣдующіе дни, оказало лишь слабые успѣхи. Брешп не было пробито; лѣстницы, по обыкновенію, оказались коротки. Все это привело къ жестокой бойнѣ, стоившей намъ 8 т. (изъ 18 т.).

Главная причина неудачъ штурма Рущука — *недостатокъ подготовки какъ стратегической, такъ и тактической.* Недостатокъ *первой* выразился въ сосредоточеніи къ крѣпости слишкомъ слабыхъ силъ, только 18 т., когда ея гарнизонъ, подъ руководствомъ энергическаго Бошнякъ-аги, доходилъ до 20 т.; недостатокъ *второй*—въ преждевременномъ обращеніи формальной осады, уже приближавшейся къ концу, въ рискованный штурмъ.

Изъ *пяти* нашихъ неудачныхъ покушеній противъ крѣпостей въ войну 1806—12 г. г., *два* выразились въ *снятіи осады* (Измаилъ 1807 г. и Силистрія 1809 г.), по незначительности сосредоточенныхъ къ этимъ крѣпостямъ средствъ для овладѣнія ими, т. е. по недостатку *стратегической подготовки*, а остальныя *три* (Журжа 1809, Браиловъ 1809 и Рущукъ 1810), главнымъ образомъ,—по недостатку *тактической подготовки* собственно штурма, причемъ, по отношенію къ Рущуку, вліялъ и недостатокъ силъ (недостатокъ стратегической подготовки), какъ выше указано.

Приведенный мною общій *сводъ всѣхъ крѣпостныхъ боевъ* въ одну цѣльную картину послужилъ бы къ наглядному уясненію значенія крѣпостей въ эту войну и навѣрно принятъ былъ бы читателемъ съ благодарностью. Авторъ, какъ уже мною замѣчено, не пользуется этимъ пріемомъ и предоставляетъ работу *сводки частностей въ цѣлое* читателю, а этотъ пріемъ именно и былъ бы очень кстати при описаніи событій этой продолжительной, сложной и запутанной войны.

Вообще, въ заключительныхъ выводахъ, уже лучше вовсе не касаться этого важнаго вопроса, чѣмъ бросить налету нѣсколько словъ о немъ.

Къ послѣдней главѣ ч. III мы впрочемъ и не имѣемъ права слишкомъ строго относиться, такъ какъ авторъ самъ заявляетъ (стр. 431), что онъ имѣлъ въ виду «ограничиться въ настоящемъ трудѣ только нѣсколькими общими замѣчаніями, потому что для подробнаго развитія высказанныхъ здѣсь (въ послѣдней главѣ) положеній и общихъ выводовъ изъ прошлаго, для настоящаго и будущаго, потребовался бы самостоятельный, отдѣльный трудъ, который можетъ составить отдѣльное сочиненіе».

Для окончательнаго заключенія о почтенномъ трудѣ г. А. Н. Петрова, его слѣдуетъ сравнивать не столько съ тѣмъ, что *желательно* требовать въ будущемъ отъ военно-историческихъ сочиненій, — въ этомъ направленіи мною отчасти и былъ веденъ разборъ его труда, главнымъ образомъ стратегической и тактической его части, — сколько съ наиболѣе капитальнымъ описаніемъ Русско-Турецкой войны 1806—12 г. г., ему предшествовавшимъ, т. е. съ сочиненіемъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго (1843 г.), бѣглый разборъ котораго мною приведенъ въ самомъ началѣ настоящей рецензіи.

Уступая послѣднему въ планѣ, *цѣльности*, упорядоченности въ описаніи весьма сложныхъ и нерѣдко перепутанныхъ событій, одновременно разыгрывавшихся на четырехъ театрахъ и относящихся къ 6-и-лѣтней войнѣ, а также во всемъ, касающемся обобщеній, сочиненіе А. Н. Петрова должно быть поставлено выше перваго по *многосторонности* изслѣдованій автора, не останавливающагося только на одной спеціально *военной* сторонѣ дѣла, но разсматривающаго событія войны 1806—12 г. г. и съ *политической* стороны и съ точки военно-*административныхъ* условій, которыя или вовсе опускаются Михайловскимъ-

Данилевскимъ, или же онъ касается ихъ весьма поверхностно. Настолько же легко относится Михайловскій-Данилевскій и къ детальной сторонѣ дѣла. Описаніе сраженій и осадъ крѣпостей имъ приводится лишь только въ общихъ чертахъ, въ общихъ абрисахъ, въ то время, какъ въ сочиненіи А. Н. Петрова подробное и обстоятельное ихъ изложеніе, насколько то̀ допускается архивнымъ матеріаломъ, которымъ онъ пользовался, составляетъ главное достоинство. Михайловскій-Данилевскій крайне рѣдко ссылается на документы и говоритъ отъ себя, вынуждая тѣмъ читателя вѣрить ему на-слово. А. Н. Петровъ порой излишне документаленъ; онъ очень щедръ на выписки изъ подлинныхъ документовъ. Приводя ихъ безпрестанно, онъ, посредствомъ ихъ, заставляетъ высказываться самихъ дѣятелей о принятыхъ ими рѣшеніяхъ и мотивахъ, ихъ вызвавшихъ, и этимъ путемъ знакомитъ съ внутренней стороною дѣла, съ вліяніемъ *субъективныхъ* причинъ на ходъ и развитіе военныхъ дѣйствій. Приводимые А. Н. Петровымъ документы даютъ, сверхъ того, читателю полную возможность повѣрить всѣ его выводы и заключенія. *Критическая оцѣнка* явленій войны 1806—12 г. г. у Михайловскаго-Данилевскаго совершенно отсутствуетъ, въ то время, какъ А. Н. Петровъ отводитъ ей широкое мѣсто, что̀ отчасти видно изъ настоящей рецензіи. Съ критическими выводами автора, особенно же съ нѣкоторыми изъ его заключительныхъ выводовъ (въ концѣ ч. III его труда), не всегда можно согласиться, но зато фактическая сторона представлена, въ большей части случаевъ, нетолько обстоятельно, но и вполнѣ правдиво.

Во всѣхъ только-что указанныхъ отношеніяхъ настоящее сочиненіе А. Н. Петрова является вполнѣ *самостоятельнымъ изслѣдованіемъ* войны Россіи съ Турціею въ 1806—12 г. г.

Въ заключеніе сравненія двухъ приведенныхъ сочиненій позволяю себѣ замѣтить, что если *цѣльность* составляетъ главное достоинство труда Михайловскаго-Данилевскаго, а *правда, историческая достовѣрность*, становится иногда подъ сомнѣніе, то въ сочиненіи А. Н. Петрова, наоборотъ, *правда* — это его

самая сильная сторона, *цѣльность* же изложенія оставляетъ не малаго желать.

Какъ видно, эти *два сочиненія одно другое дополняютъ*. Въ чемъ сильно одно, въ томъ слабо другое, и обратно. Этимъ сразу и опредѣляется значеніе труда А. Н. Петрова. Изслѣдованіе его не упраздняетъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, но весьма существенно его дополняетъ, устраняя почти всѣ недостатки послѣдняго. *Это—уже очень важный шагъ впередъ.*

Въ виду этого и особенно обилія данныхъ, основанныхъ на приводимыхъ въ первый разъ архивныхъ документахъ, проливающихъ новый свѣтъ на многіе факты я считаю долгомъ обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на послѣднее сочиненіе А. Н. Петрова: «Война Россіи съ Турціею съ 1806 по 12 г. г.» и просить удостоить его одной изъ премій митрополита Макарія, какъ сочиненіе, представляющее, несмотря на нѣкоторые указанные мною недостатки, весьма цѣнный вкладъ въ литературу нашихъ турецкихъ войнъ, изслѣдованію которыхъ авторомъ посвященъ 27-лѣтній усиленный, настойчивый и въ высокой степени добросовѣстный трудъ. Сочиненіе это является продолженіемъ двухъ первыхъ сочиненій того же автора о турецкихъ войнахъ: «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1767 по 1774 г.» и «Вторая Турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II-й (1787—1791 г.г.)», изъ которыхъ послѣднее удостоено Академіею премія гр. Уварова.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 я лин., № 12.

2007231861